

Еврейские Евангелии. История еврейского Христа

Даниэль Боярин

Введение

Если есть одна вещь, которую христиане знают о своей религии: она заключается в том, что это точно не иудаизм, и есть одна вещь, которую евреи знают о своей религии: что это точно не христианство. Ещё есть одна вещь, что обе группы знают, что христиане верят в Троицу и воплощение Христа (греческий перевод слова Мессия) а евреи нет и что евреи соблюдают кашрут, а христиане нет.

Если бы всё было так просто.

В этой книге я собираюсь рассказать совсем другую истории, истории о временах, когда евреи и христиане были гораздо более перемешаны друг с другом, чем сейчас, когда появилось множество евреев, которые верили во что-то похожее на Отца и Сына и даже в нечто похожее на воплощение Сына- Мессии, и когда евреи, последователи Иисуса, соблюдали кашрут, и соответственно об временах, в котором вопрос о разнице между иудаизмом и христианством просто не существовал, как это есть сейчас.

Иисус пришел так и тогда, когда многие евреи этого ожидали — вторая божественная фигура воплотившееся в человека. Вопрос не был «Это божественный Мессия?», но только «этот плотник из Назарета и есть тот, которого мы ждем?» Не удивительно, что одни евреи сказали да, а некоторые говорили нет. Сегодня мы называем первую группу христианами, а вторую группу иудеями, но это было совсем не так тогда.

Но главное, все — и те, кто принял Иисуса и те, кто нет—были евреями (или израильтянин, по древней терминологии). На самом деле, не было совсем никакого иудаизма и никакого христианства. На самом деле, идея "религии", как нечто одно из множества религий, к которой кто то может принадлежать, а кто то нет, не вышла ещё на сцену. В третьем веке (или даже ранее) христианство стало чем то отдельным и христиане стали так себя называть, в то время как евреи не имели названия для их религия в их собственном языке, пока где-то в современный период, возможно в восемнадцатом или XIX веке, в этом появилась необходимость. До тех пор терминах иудаизма как религия евреев были использованы только не евреями.

Итак, о чем мы говорим? Мы не говорим о специальном учреждении, или отдельной сфере "религии" или еще меньше о "вере" евреев. Речь идет о комплексе ритуалов и других практик, верований и ценностей, устных и письменных историй и политических привязанностей, которые конституируют принадлежность к народу Израиля, а не религии называемой иудаизмом. Чтобы почувствовать всю абсурдность предположения о том, что иудаизм это религия такая же, как христианство, давайте рассмотрим недавнее событие. В марте 2011 года, Нью—Йорк Таймс опубликовал результаты социологического исследования «удовлетворенности жизни» различных групп в Соединенных Штатах. Азиатские американцы считаются "самой счастливой" этнической группой, в то время как евреи считались "просто счастливой" религиозной группой, что приводит к

неумолимому выводу, что азиатские американские евреи были самыми счастливыми людьми в Америки.

Этот результат, очевидно, неверный, потому что понятно, что в то время как евреи и азиатские американцы это национальности, христианстве никогда не рассматривается как этническая группа. В самом деле, для нас еврейство — это очень смешанная категория, которая не есть этническая или только только религиозная. Как недавно написал Пола Фредриксен, "в древности ... культ — это и было этнические принадлежность и этническая принадлежность определялась по культу".[1] Это сохранялось для евреев вплоть до современности и, в немалой степени, остается таковым даже сейчас.[2] В этой книге, термин "иудаизм" будет использоваться для удобства анализа той части еврейской жизни, которая связана с послушанием Богу, поклонением и верой, хотя, я признаю, что этот термин является анахронизмом.

Храм в Иерусалиме был один из самых впечатляющих культовых центров древнего мира и знаменитым по всему миру своей пышностью и великолепием. В отличие от большинства других народов, у которых было много культовых центров израильтяне приносили все свои жертвы в одном месте, в Иерусалимском Храме, на протяжении веков — от реформы Иосии в VII веке до н. э. до второго Храма, который был разрушен в 70 г. н. э. Когда был Храм, то для большинства евреев, он организовал их религиозную жизнь вокруг праздников и обрядов, священников и практик; далекие евреи в Александрии и подобных местах отправляли пожертвования. По крайней мере, в принципе, все израильтяне должны совершать паломничество в храм в Иерусалиме три раза в год, что бы праздновать великие праздники. Это давало организацию и принцип жизни для всех людей, преодолевая многие различия и противоречия. Даже это, однако, не всегда было так — были группы, такие как община Мертвого моря, которая отвергла Иерусалимский храм как коррумпированный.

После того, как храм был разрушен в 70 г. н. э. все это закончилось. Некоторые евреи хотели продолжать жертвоприношения, в то время как другие считали, что нужно полностью отказаться от такой практики. Некоторые евреи считали, что практики чистоты, что были так важны в храме, должны практиковаться, в то время как другие думали, что они не имеют смысла. Были разные толкования Торы, различные наборы идей о Боге, разные понятия о том, как на практике реализуется закон. В Иерусалиме, который был восстановлен священниками и учителями (книжниками) вернувшимися из Вавилонского Плена (538 до н. э.), новые религиозные идеи и практики были разработаны группой так называемых фарисеев, которые, видимо, довольно агрессивно продвигали свои идеи среди евреев вне Иерусалима, и идеи которых были весьма отличны от традиционных практик, так называемых Людей Земли, то есть тех, кто не уехал в изгнание в Вавилон.

Поэтому религиозность евреев тогда было гораздо больше разнообразной, чем сейчас. Не было раввинов, и священники в Иерусалиме и в сельской местности были разделены между собой. Но не только это, было много евреев как в Палестине, так и за ее пределами — в таких местах, как Александрия в Египте, который имели очень разные представления о том, как быть хорошим набожным евреем.

Некоторые верили в единую Божественную фигуру. Другие считали, что у Бога есть божественный заместитель или эмиссар или даже Сын, возвышенный над всеми ангелами, который будет действовать как посредник между Богом и миром в Творении, Откровении и Искуплении. Многие евреи считали, что искупление (redemption) должно быть осуществлено человеком, отпрыском дома Давида, который в определенный момент возьмет в руки скипетр и меч, поразит врагов Израиля, и вернёт Израилю его былую славу. Другие считали, что искупление будет осуществляться второй Божественной фигурой, упомянутые выше, а не человеческом существом. И еще другие полагали, что эти двое были одним и тем же, что Мессия Давид может быть божественным Искупителем. Как я уже сказал, это довольно сложное и запутанное дело..

Теперь я хочу пойти чуть дальше, а именно, увидеть, что Христос—Мессия—тоже еврей! И хриология, первые идеи о Христе, тоже еврейский дискурс, а совсем не анти-еврейский представления. Многие израильтяне, во времена Иисуса, ожидали Мессию — кто бы был Божественным и пришел на землю в виде человека. Такие же идеи лежат в основе Троицы и Воплощения и которые были в мире в котором Иисус был рожден и в котором были написаны первые Евангелиях от Марка и Иоанна.

Вы можете удивиться, почему эти отличия из очень далекого прошлого, должны волновать кого-либо сегодня. Потому что я ожидаю дискуссии, контактов в которых евреи и христиане должны начать искать общее друг с другом!

С одной стороны, христиане больше не смогут утверждать, что евреи умышленно отвергли Иисуса как Бога. Такие утверждения про евреев привели к глубокой, мучительной и кровавой история антииудаизма и антисемитизма. Многие древние простые евреи приняли Иисуса как Бога, и они сделали так, потому что их убеждения и ожидания привели их туда. Другим евреям, с аналогичными идеями о Боге, было трудно поверить, что именно этот, казалось бы, непримечательный еврей был тот, кого они ждали.

С другой стороны, евреи должны перестать поносить христианские идеи о Боге, как просто сборник нееврейских, может быть даже, языческих, и в любом случае странных фантазий. Бог в человеческом облики, ну знаете ли! Признавая, что эти идеи, глубоко уходящие корнями в древний комплекс еврейских религиозных представлений, не могут привести нас евреев к тому чтобы принять их, но, конечно, должны помочь нам осознать, что христианские идеи не чужды нам; они наше собственное наследство, и даже возможно, **самые древние из всех иудейских идей.**

Я полагаю, что Иисус и Христос были одним человеком с самого начала движения Иисуса. Не получится больше думать о каком-то учителе этики, который был позже произведен в Божество под влиянием инопланетян или греческих понятий, а его исходные сообщения искажены и потеряны; идеи Иисуса, как Богочеловека Мессии, восходят к самому началу христианского движения, и даже до него.

Перечень и семьи: христианские и не христианские евреи

Термины "христианские евреи" и "евреи-нехристиане", что я ввожу в этой книге, может показаться удивительным людям, которые считают христиан и иудеев двумя противоположностями. Но если мы внимательно посмотрим на первые столетия после Христа, мы начинаем видеть, что именно так мы должны смотреть на историю религии евреев в то время.

Прежде чем мы займёмся этим, может быть полезно, оспорить некоторые из наших обычных предположения о том, что такое религия.

В настоящее время, каждая религия имеют фиксированный набор убеждений с четко определенными границами. Мы обычно спрашиваем себя: это убеждения вовсе запрещено для христиан или какую практику они требуют? Мы задаем подобные вопросы в отношении иудаизм, индуизм, ислам, и буддизм, так называемых великих религии мира. Такое понимание, конечно, делает глупыми идеи, что может быть еврей и христианин, это делает просто невозможным такое! Евреи не подходят под определение христиан, и христиане не подходят под определение евреев. Есть простая несовместимость между этими двумя религиями, которые делают это невозможным. Я буду спорить в этой книге с этой концепцией — она не всегда соответствует фактам, и в частности, она вообще не достаточно хорошо отражает ситуацию иудаизма и христианства в первые века.

Мы обычно определяют членов религий с помощью своего рода перечня вопросов (Checklists). Например, можно сказать, что если кто то верит в Троицу и Воплощение, значит он член христианской религии, а если нет, значит он не член этой религии. Можно сказать, наоборот, что если кто-то не верит в Троицу и Воплощение, значит он возможно является членом религии иудаизма, но если он верит в эти вещи, он точно не является. Можно так же сказать, что если кто-то соблюдает субботу, ест только кошерную еду, и обрезывает своих сыновей, он является членом еврейская религия, а если нет, значит он не является членом еврейской религии. Это, как я уже сказал, наш обычный способ смотреть на такие вещи

Подход с перечнем контрольных вопросов (Checklists) был создан для того, чтобы сделать абсолютным разрыв между христианами и нехристианскими, между евреями и не евреями в Христианский Римской Империи, которая придавали большое значение этим вопросам.

В течение многих лет считалось, что ранний период «смешанности» подошёл к концу и окончательное "расставание" состоялась в первом или втором веке. Аргументов было два. С одной стороны, Храм был объединяющей силой, так что разные формы разнообразия были терпимым, не угрожая ядру Еврейской идентичности. После разрушения Иерусалимского Храма римлянами в 70 г. н. э., другими способами пришлось воспроизводить идентичность — следовательно произошло изобретение еврейской ортодоксии, которая исключали бы последователей Иисуса. С другой стороны, нам говорят, что этот отход христианства от основ иудаизма произошёл достаточно рано.

Я утверждаю, что это разнообразие не заканчивается с разрушения Храма и далее за этим событием. Многие думали так до недавнего времени (и некоторые до сих пор), что это закончилась с Советом в Явне, который произошёл в 90 году, или

около того.[3] Согласно ясным указаниям талмудической легенде, это был великий Еврейский Вселенский Собор (что-то вроде Великих Христианские Вселенских соборов IV и V веков) на котором все межконфессиональные разделения были упразднены: все евреи согласились следовать фарисейской, раввинистической традиции, и те, кто не были согласны — были изгнаны и покинули еврейство. Но эта точка зрения во многом была дискредитирована современными учёными. Эта точка зрения была изобретена учеными более или менее по типу великих древние христианских соборов, во время которых была принята христианская ортодоксия, особенно знаменитым был Никейский собор и его преемник — Собор в Константинополе.

В 381 году в Константинополе был окончательным этапом сглаживания различий, основанных на полвека переговоров после Никейского собора.[4] В 318 христианский император Константин провел так называемый Вселенский собор епископов со всего христианского мира в Никее (современный Изник в Турции), чтобы разобраться во всем этом и восстановить мир в христианской церкви и общинах, после многих разногласий, конфликтов и обид между ними.

Некоторые из основных вопросов, рассмотренных в Никее были вопросы веры, таких как точное определение отношения между Отцом и Сыном. Другие вопросы были практические, такие как определение правильной даты Пасхи и отношения к дате Еврейской Пасхи. В Никее договорились: по первому вопросу было решено, что Сын единосущен Отцу, то есть, это два человек точно такой же Божественной субстанции. Пасха была раз и навсегда разорвана с праздником Песах в Православной Церкви.

В конце концов, в Никее и Константинополе было установлено, что христианство полностью отделено от иудаизма. Поскольку Христианство не устанавливает свои границы на основе этнической принадлежности, географического расположения, или рождения, найти четкие пути отделения от иудаизма было срочно необходимо! Это была вторичным историческим эффектом могущества Римской Империи с ее церковными властями, которые полностью отделили "ортодоксальный" иудаизм от христианства. По крайней мере, с юридической точки зрения, иудаизм и христианство стали совершенно отдельными религиями в четвертом веке. До этого никто (кроме Бога, конечно) не имел право сказать людям, что они были или евреями или христианами. Во времена Иисуса, все, кто следовали за Иисусом—и даже те, кто верил что он был Богом—были евреями!

Эти решения, которые принимались в Никее вбили клин между традиционными еврейские верованиями и практиками, и недавно придуманным ортодоксальным христианством. Определив Сына полностью на равных с Отцом и настаивая на том, что Пасха не имела связи с Песах обе эти цели были достигнуты. Между Никеей и Константинополем, многие люди, считали себя христианами были выписаны из христианства. Христиане, которые исповедовали иудаизм, даже в Пасху в Песах (это практиковали практически все церкви Малой Азии несколько веков), были объявлены еретиками. Никеея эффективно создал то, что мы теперь понимаем как христианство, и, как ни странно, то, что мы сейчас понимаем как иудаизм.

Через семь десятилетий между Собором в Никее и Константинополе, варианты веры для христиан были отрезаны и стало невозможно быть и христианином и

евреем одновременно. Никто не может больше верить в Иисуса и пойти в синагогу по субботам: мы вам этого не позволим! Кроме того, Никейские правители Церкви заявили, что нужно верить, что Отец и Сын — отдельные личности, но имеют одну и ту же субстанцию. Бог от Бога, как гласит формула; если не согласен с этой формулой, то вы не христианин, но еврей и еретик. Эти напряженные усилия, чтобы сделать разделение абсолютным в дальнейшем создали анти-еврейский дискурс, который и продолжает до наших дней. Проповеди епископа Иоанна Златоуста "против Евреев" прекрасный примером этого развития.[5]

Одним из самых ревностных защитников новой ортодоксии был св. Иероним (347-420 н. э.) Он был одним из важных христианских ученых, мыслителей и писателей в конце четвертого и начале пятого века. Является одним из четверых учителей Римской Церкви, он перевел Библию с древнееврейского и греческого на латынь Вульгаты (этот перевод продолжает быть официальной Латинской Библией Католической Церкви). Он также был одним из первых переводчиков важных ранних греческих христианских писателей на латынь (особенно работ Оригена).

У нас есть замечательная коллекция его писем к его более знаменитому коллеге св. Августин о лучшей стратегии для защиты этой новой ортодоксии. В одном из этих писем, он заявил:

«В наши дни существует секта среди иудеев во всех синагогах Востока, которая называется секта Миней, и её осудили Фарисеи. Адепты этой секты известны ещё как назареи; они верят в Христа, Сына Божьго, рожденного от Девы Марии; и говорят, что он тот, кто пострадал при Понтии Пилате и снова воскрес, так же, как и все мы верим. Но пока они хотят быть как евреи, так и как христиане, но они не являются ни тем, ни другим».[6]

Внимательное рассмотрение текста Иеронима объясняет некоторые моменты, на которые я уже обращал внимание. Иероним описал группы людей, которые верили в Никейский Символ веры: Христос — Сын Божий, родился от Девы, был распят и страдал, и воскрес. Но они думали, что они евреи тоже — они молились в синагогах, сохраняли субботу, придерживался кашрута и других правил. В самом деле, они не видели "христиан" и "евреев" как две различные категории, но как одна комплексная категория. Предположительно, они практиковали какие то еврейские ритуалы, хотя это непонятно из письма Иеронима.

Иероним отверг их утверждения о том, что они христиане, потому что они евреи! Или он отверг их претензии быть евреями, потому что они утверждали, что они христиане. И он, конечно, лишает их возможности быть и тем и другим, потому что это было уже невозможно в мировоззрении Иеронима. Для него (и для нас) эти были взаимоисключающими возможности. Однако, для этих евреев, которые исповедовали Никейский Символ веры, нет никакого противоречия. Просто как сегодня есть евреи, такие как хасиды — некоторые из которых считают, что Мессия пришел, умер, и воскрес — и евреи, которые полностью отвергают хасидское движение, но все считают себя евреями, поэтому в древности были евреи, которые верили во Христа и евреи, которые не верили, но все были евреями. Или используя другое сравнение, не совсем точное, еврей-нехристиане и еврей-христиане очень похожи на католиков и протестантов сегодня — это части религиозных групп,

которые не всегда живут в гармонии или признании друг друга легитимности, но все равно в каком то очень важном смысле они воспринимаются как единое целое.

Для того, чтобы защитить ортодоксальное понятие, как абсолютно отличное от еврейских, Иерониму пришлось "изобрести" третью категорию, ни христиане и ни евреи. Иероним вернулся к указу императорского Собора в Никее и закону Римской Империи, кодексу императора Феодосия, и властно заявил, что некоторые люди были просто не Христиане; что еще более удивительно, он утверждал, что возможно они не были и евреями, потому что они не подходят под его определение евреев. Никто до Константина не имел право объявлять некоторых людей, что они не христиане или не евреи.

Иероним говорит нам, что руководство синагоги тоже осудило этих людей как не евреев, таким образом, мы видим применение "контрольного списка" для деления людей на группы.

Но это ещё не всё. Иероним даёт фантастическое название этой секте не-евреев и не-христиан. Он называет их, как мы уже видели, миним или назаряне. Эти имена, таинственные, как кажется сначала, на самом деле не таинственные совсем. Они относятся к двум терминам, используемым в раввинистической молитве против сектантов, которая, по сути, в первый раз твердо засвидетельствована в пятой веке (хотя некоторые формы известны с третьего века). В этой молитве, повторяющейся в синагоге, евреи говорят: "и на миним и на нозрим, пусть не останется надежды".

Термин «миним» означает, буквально, «класс» или «разновидность». Евреи, которые не относятся к той же группе, что и раввины, определяемую как кошерную, называют их "разновидностью" евреев, не совсем т. с. в мейнстриме. Это были евреи, которые галахически не совсем правильно себя вели, такие как последователи Иисуса, но все равно евреи. Второй термин, Нозрим (Латинизированный как Назаряне), это гораздо более конкретно, ссылаясь на Назарет и, таким образом, явно указывало на христиан. Это правдоподобно для молитвы, на которую Иероним ссылается в своем письме, поскольку его якобы осуждению фарисеев включает в себя именно эти два имени. Слово «миним» кажется просто имеет в виду сектантов в целом, в том числе и таких, которые следуют иудейскому закону, но исповедуем Никейский Символ веры.

Как мы видим, эти на первый взгляд, безобидные опросники становятся инструментами власти, а не просто описанием разных групп. Если, как думает Иероним, вы верите в Никейский символ веры, то должны выйти из синагоги, и быть христианином. Если вы останетесь в синагоге и уменьшите вашу веру в христианское учение, тогда фарисеи согласится назвать вас евреем. Надо правильно заполнить «контрольный список», иначе вы ни христианин и ни еврей. Тот факт, что для Иеронима и раввинов, нужны были термины «миним», «назаряне», т. е. определения для тех, кто думал, что они были и евреями и христианами, предполагает, что они действительно существовали, и в достаточном количестве, что пробудить интерес к себе.

Нам нужен подход к разновидностям еврейского религиозного опыта—особенно в критические ранние период-период завихрений и бурлений разных течений мысли, более комплексный в области различия и сходства, который давал бы возможность говорить обо всех эти проявлениях "иудаизма".

Вместо того, чтобы использовать «контрольный перечень» для определения кто является евреем, который неизбежно, как мы уже видели, приводит к произвольным исключениям, мы могли бы использовать идею **семейного сходства** для того, чтобы рассмотреть период религиозной текучести, который последовал за смертью Иисуса. Как отметил один учёный: " У членов одной семьи есть множество сходных черт: глаза, походка, цвет волос, темперамент. Но, это важно помнить, у них не обязательно должен быть один набор ценностей, разделяемых всеми членами семьи ". Существует, возможно, один признак(feature), общий для всех членов иудео-христианской семьи а именно: все апеллируют к Еврейскому Писанию, как Откровению. Точно так же был ещё один признак, который был общим для всех древних групп, которые мы могли бы назвать прото-христианами, а именно они были в той или иной форме "учениками" Иисуса. Тем не менее, эта особенность (feature) вряд ли захватывает глубину, чтобы дать продуктивные категории для других случаях, для групп, которые следовали за Иисусом и групп, которые игнорировали Его, но в чём то оставались похожи друг на друга.

Чтобы понять этот другой способ видения групп, которые отвергли Иисуса, важно иметь ввиду, что они имели некоторые весьма существенные другие признаки (например, вера в Сына Человеческого), который объединял их и отделял от других, не являющихся "евреями не Иисуса"(non-Jesus Jews). С другой стороны, некоторые евреи Иисуса (Jesus Jews), возможно, имели аспекты в своей религиозной жизни, которые приближали их к некоторым евреям не Иисуса(non-Jesus Jews) больше, чем к другим евреям. Кроме того, некоторые группы евреев Иисуса возможно были связаны с Иисусом способами, более похожих на то, как другие еврейские группы "евреев не Иисуса" были связанных с пророками, вождями или мессиями.

То есть, некоторые евреи в первое столетие в Палестине, возможно, ожидали Мессию, который был бы воплощением Божества, но отвергли Иисуса, в тоже время некоторые другие евреи, которые приняли Иисуса могли думать о нем не как Боге, но только как о человеческом. Модель семейного сходства поэтому, даёт возможность говорить о "иудаизме", который включает в себя раннее христианство, а также и других евреев. Эта расширенная модель "иудаизма" позволяет включить первые евангельские тексты в ее компетенцию, таким образом, делая самые ранние и в некоторых отношениях наиболее основополагающие тексты христианства — еврейскими.

Еврейские Евангелия

К настоящему времени, почти все признают, что исторический Иисус был евреем, который следовал древним еврейским Путём [7]. Растет также признание того, что сами Евангелия и письма Павла являются неотъемлемой частью религии Народа Израиля в первом веке от Р.Х. Что менее признается, насколько идеи христологии, и история Иисуса как "божественного человека" Мессии, также были частью еврейского разнообразия того времени. Сами Евангелия, при чтении в контексте других еврейских текстов того времени, выявляют это очень сложное разнообразие и принадлежность к другим вариантам "иудаизма" того времени. Есть черты, которые связывают Евангелие от Матфея с одним "штаммом" иудаизма, в то

время как другие Евангелие от Иоанна к другим "штампами" иудаизма. То же самое относится и к Марку, и Луке, который обычно считается "наименее еврейским" Евангелием.

Размывая границы между "евреями" и "христианами", мы делаем яснее историческую ситуацию и развитие раннего иудаизма и христианства. Мы можем гораздо лучше понимать смысл исторических документов, в том числе Евангелий, когда мы представляем себе положение дел, которое более правильно отражает социальную ситуацию того времени, социальную ситуацию, в которой верующие в Иисуса из Назарета, и те, кто не следовали за ним были "перемешаны" друг с другом, а не разделены на две четко определенные группы, как это имеет место сегодня, на иудаизм и христианство.

Среди различных типов евреев, мы найдем «прозелитов, боящиеся Бога и герим».[8] Прозелиты были не евреи, которые полностью разделили судьбу с евреями и тем самым стали евреями, в то время как "боящиеся Бога" были идентифицированы как греки и язычники, но присоединились к Богу Израиля, в синагоге, потому что они восхищались религией Единого Бога. Герим, или пришельцы или иностранцы, были язычниками, которые жили среди евреев в их земле. Как таковые, они были обязаны соблюдать некоторые законы Торы и получили определенную защиту и привилегии. Недавно было отмечено, что герим были обязаны выполнять законы, описанные в "Деяниях" для языческих последователей Иисуса, тем самым давая даже этим людям место в Доме Израиля. Говоря о границах между иудаизмом и христианством, мы должны понимать, что она является гораздо более сложным явлением, чем мы думали раньше.

Вера в Иисуса была одной из многих перекрывающихся форм комплекса практик и убеждений, внутри того что мы сегодня называем иудаизмом. Важно смотреть из того времени, а не смотреть из нашего. У евреев, которые не приняли Иисуса из Назарета есть много общих идеи с евреями, которые приняли его. Некоторые из этих идей были очень близки, если не идентичный, с идеями Отца и Сына и даже в воплощения. Не обращать внимания на это и впредь для современных исследований — анахронизм.

Моя история про одну из возможностей отрезанных со стороны властей, христианскими лидерами, такие как Иримей, с другой стороны, ортодоксальными-раввинистическими или "фарисейскими" властями. Какие тут были возможности ни один прорицатель не мог предсказать заранее. Один из тех самых привычных представлений об абсолютной разности между иудаизмом и христианством является то, что христиане полагают, что Иисус был Сыном Божьим. Итак, давайте начнем наше путешествие именно с этого.

1. От Сына Бога к Сыну Человеческому.

Кем был Иисус? Традиционный взгляд, конечно, говорит нам, "Сын Божий" является титулом для Иисуса. Именно потому, что Иисус является частью Троицы: Отца, Сына и Святого Духа. Он почитается Как Сын Божий, он был пожертвован для искупления мира.

Но не все так просто! Во-первых, любопытно, что термин "Сын Божий" не часто используется, чтобы обратиться к Иисусу в Новом Завете. У Павла, куда более распространенный термин "Господь". В Евангелиях Иисус, говорит о себе как о "Сыне Человеческом". Большинство христиан сегодня, если они думали об этом вообще, могут подумать, что титул "Сын Человеческий" относится к человеческой природе Иисуса, в то время как название "Сын Божий" относится к его Божественной природе.

Это действительно была интерпретация большинства отцов Церкви. Новый перевод Библии "Common English Bible" зашёл так далеко, что переводит "Сын Человеческий", просто как "человек". В этой главе я покажу, что всё почти наоборот в Евангелии от Марка: "Сын Божий" относится к царю Израиля — земному Царю, который сядет на престол Давида, в то время как "Сын Человеческий" показывает небесную фигуру, а не человека вообще!

Титул "Сын Человеческий" обозначается Иисус как Бога, в то время как титул "Сын Божий" указал на его статус как Царя Мессии. Но что есть Мессия, и как это связано с Христом? По правде говоря, это одно и то же слово. Мессия (на иврите произносится как "машиах") означает "помазанник", не больше или меньше, а Христос—это просто греческий перевод этого само слово, т. е. "помазанник". Как Евангелие Иоанн говорит нам прямо: "Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: Христос (Иоанна 1:41)"

Мессия "Сын Божий", как обычный человеческий Царь

Причина, по которой Царь назывался Мессия, состояла в том, что его буквально мазали маслом в момент коронования на Царство. Один из лучших примеров эта церемония интронизации можно найти в книге Самуила:

И взял Самуил сосуд с елеем и вылил на голову его, и поцеловал его и сказал: вот, Господь помазывает тебя в правителя наследия Своего

(1-я Царств 10: 1)

Самуил выливает флакон масла на голову Саула и затем явно называет его царем Израиля. Этот царь Израиля был назначен Богом, чтобы быть правителем Израиля, быть харизматичным, и представлять Израиль перед Богом. Через посредство пророка Самуила, сам Бог помазал Саула с маслом, чтобы быть царем над его наследством Израилем. Поэтому Царь упоминается в Еврейской Библия как Помазанника *YHVH* или *Машиах YHVH*. Другие израильские цари, которые описаны как помазанные маслом на их вошествоие на престол — Давид (1-я Царств 16: 3), Соломон (1 Царств 1:34), Ииуй (1 Царств 19:16), Иоас (2 Царств 11:12), и Иоахаз (2 Царств 23:30). Как отметил католический библейский ученый Джозеф Фицмайер, SJ, «Нигде в Еврейской Библии это не означает ничего чрезвычайного, но только указывает на тесную связь между Царём Израиля, и Богом Израиля. Термин *Машиах* на протяжении еврейской Библии означает обычного человека избранного царём Израиля, ни больше и ни меньше»[9]. "Принцип" Саул—Самуил эволюционировал (не без борьбы) в полномасштабную монархическую династию Давида в период царей, "Помазанник *YHVH* " (Мессия, Христос) является одним из его титулов.

Дело в том, что Мессия в Еврейской Библии всегда относится к конкретному правившему царю, это надо иметь ввиду, когда мы рассматриваем следующие стихи:

1 Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное?

2 Восстанут цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против помазанника Его (Машиаха).

.....

6 "Я помазал Царя Моего над Сионом, святою горою Моею;

7 возведу определение: Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя

(Псалом 2: 2, 6-7).

Помазанник, земной царь Израиля усыновлён Богом как его сын; Сын Божий, есть правящий царь Израиль. "В этот день я родил тебя" означает, что в этот день он был возведён на престол[10]. Этому противостоит любой буквальный смысл, в которой царь был усыновлён как сын Бога и стал божественным в «этот день», т. е. в день вступления на престол. Еще один момент в Псалмах, где мы находим Царя как Сына Божьего важнейший стих Псалом 110 (те самые стихи, которые вносят свой вклад в понятие превознесения Христа, сидящего по правую руку Силы [Марк 14:62]). В этом псалме мы читаем:

"В священной пышности, от утробы, от начала, ты, которого я родил."

Этот стих, как известно, имеет проблемы с интерпретацией, и я не буду здесь вдаваться во все тонкости этого, но кажется ясным, что Бог говорит царю: "Я родил тебя!". "[11]

Суть этой демонстрации является то, что на раннем этапе термин «Сын Божий» был использован для обозначения царя из дома Давидова без каких-либо намеков на воплощения божества в царя: «Я буду с тобой, как отец, и ты будешь мне как сын.» Царь действительно очень близок к Богу и он сакрализованный человек, но, конечно, не Бог.

Царство обещано династии Давида навсегда. Однако произошли весьма драматические и трагические события в истории народа Израиля. В шестом веке до Р. Х., царство помазанников Господа в Иерусалим было разрушено, а линия Давида потеряна.

История рассказанная в 2 Царств 25 говорит, что после осады в 597 г. до Р. Х., Навуходоносор поставил Седекию, как царя Иудейский. Но Седекия восстал против Вавилона. Навуходоносор, вторгся в Иудею, началась осада Иерусалима в январе 589 г. до Р. Х. В 587 г. до Р. Х., одиннадцатый год царствования Седекии, Навуходоносор разрушил стены Иерусалима и завоевывал город. Седекия и его последователи пытались бежать, но были взяты в плен на равнинах Иерихона и доставлена в Ривлу. Там, его сыновей убили. Седекия был ослеплен, связан и взят в плен в Вавилон, где он оставался пленником до самой смерти. После падения Иерусалима, вавилонский генерал Навузардан был послан, чтобы завершить его уничтожение. Иерусалим был разграблен и Храм Соломона был разрушен. Большинство элиты было уведено в плен в Вавилон. Город был стерт с земли. Некоторым израильтянам разрешали остаться, чтобы ухаживать за землей.

Люди, и особенно ее лидеры, были переселены в Вавилон, и даже тогда, когда им было позволено вернуться, менее чем через столетие, не было больше Царства Давида и её славного царя правящего в Иерусалиме. Люди молились за такого царя,

чтобы он опять правил над ним, как было раньше и для восстановления этой земной славы. Это, однако, земной царь о котором народ молиться во всей Библии на иврите, о восстановление Дома Давида, как это было до пленения. В этой молитве об отсутствующем царе, для нового царя из Дома Давида, однако, появляются понятия обетованного Искупителя, нового царя Давида, которого Бог пошлет в конце дней. Это понятие стало общим во времена Второго Храма.

Когда Марк в самом начале своего Евангелия пишет, "Начало Евангелия Иисуса Христа, сына Бога" Сын Божий означает человеческий Мессия, используя старое название для царя из дома Давида. Когда с другой стороны, Марк обращается к нему во второй главе Евангелия как «Сын Человеческий», он указывает на Божественную природу Христа. Это выглядит как парадокс: имя «Бог» используется для человеческой природы Иисуса, имя «человек» для Божественной природы. Как так получилось? Эта глава начинается с ответа на вопрос, как Иисус понимается как Бог у монотеистических евреев, рассказывая историю Сына Человеческого.

Сын Человеческий как Божественный Искупитель (Divine Redeemer)

По мере того как ожидания восстановления Дома Давида в Израиле росли, возникли иные идеи об искуплении. В седьмой главе Книги Даниила, написанной около 161 до н.э., мы находим замечательную апокалиптическую историю. Апокалипсис — греческое слово, которое означает "откровение" (в каноне Нового Завета есть книга, которые мы называем Откровение или как Апокалипсис). Вообще в Апокалипсисе, показано то, что должно обязательно произойти в конце времён и в конце мира. Книга Даниила является одной из первых апокалипсисов, которые были когда-либо написаны. Развивая писания пророка Иезекииля, автор описывает небесный видения пророка Даниила. Книга была написана во втором веке до н.э. и стал одним из самых влиятельных книг в последние дни еврейства, в том числе, особенно, в христианских группах.

В этом замечательном тексте мы находим пророка Даниила, имеющий видение, в котором есть две божественные фигуры, одна изображена как старик, Ветхий Днями, сидящий на троне. Надо сразу сказать, что там более одного престола, и вторая божественная фигура, "как человеческое существо," возносится на облаке и Ветхий днями передаёт ему власть, как на церемонии очень похожей на передачу власти от Старого царя к молодому в древней ближневосточных царских церемониях или передаче светильника от старых богов к младшим в мифах:

"Видал я в ночном видении, вот, с облаками небесными шел как бы Сын Человеческий, дошел до Ветхого Днями и подведен был к Нему.

И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится" (Дан.7:13-14)

Мы можем увидеть здесь представление о Искупителе(Спасителе), довольно сильно отличается от ожиданий восстановления царствования династии Давида в Иерусалиме. Этот текст ясно говорит о второй божественной фигуре, кому будет дано вечное владычество над всем миром, восстановленным миром, в котором этот вечный Царь будет руководить и править в согласии, полностью и окончательно, с волей Ветхого Днями. Хотя эта фигура Искупителя не названа Мессией это имя для

него будет дано в позднейших размышлениях об этом видении, как мы увидим ниже, это близко подводит нас, по крайней мере, к некоторым из важнейших характеристик фигуры, которая позже будет названа Мессия или Христос. Каковы же эти характеристики?

Он является божественным.

Он в человеческом облици.

Он может быть очень хорошо изображен, как появление молодого Бога, моложе чем Ветхий Днями.

Он будет возведен на Престол.

Ему дана полная власть на земле.

Все это характерно для Иисуса Христа, как он описывается в Евангелиях, и всё это появляются в этом тексте более чем за полтора века до рождения Иисуса. Кроме того, эти черты получили дальнейшее развитие в рамках еврейской традиции между книгой Даниила и Евангелиями. В определенный момент эти традиции слились в еврейских умах — расчет на возвращение царя Давида, и идея рождения божественного-человеческого Мессия. Затем эта фигура была названа "Сын Человеческий", намекая на его истоки в божественной фигуре названной «один, как бы Сын Человеческий» у Даниила. Другими словами, Бог, который выглядит как человек теперь называется "Сын Человеческий", ссылка на его человеческое проявление божественности. Единственное правдоподобное объяснение "Сына Человеческого" заключается в том, как писал Лео Бек, великий еврейский богослов и ученый прошлого века: "всякий раз, когда в более поздних работах упоминается "Сын Человеческий" — это цитата из Даниила!".

Этот двойной фон во многом объясняет сложности традиций об Иисусе. Это не удивительно, что когда пришел человек, который утверждал, и обладал этими характеристиками, многие евреи стали считать, что он именно тот, кого они ожидали. (однако, многие из них были настроены более скептически.)

Есть много вариантов традиций об этой фигуре в ранних Евангелиях и в ранних еврейских текстах. Некоторые евреи ожидали, что Искупитель будет человек возвышенный до состояния божественности, в то время как другие ожидали божество, которое спуститься на землю и примет вид человека; некоторые верующие в Иисуса считали, что Христос родился как обычный человек, а затем был вознесен до божественного статуса, в то время как другие считали, что он был божеством, которое спустился на землю. В любом случае, мы в конечном итоге имеем двойное сочетание божества и человека, как ожидаемого Искупителя. Соединения древних идей Мессии / Христа, и то, что Иисус будет утверждать о себе, таким образом, очень глубокое и древнее!

Кто есть Сын Человеческий?

Иисус называет себя этим таинственным термином "Сын Человеческий". Океаны чернил и леса деревьев использованы, чтобы люди могли продолжать спорить о том, откуда этот термин пришел и что это значит.[12] Что касается его смысла, некоторые говорят, что это относится к "человеческой природе" Иисуса, в то

время как другие говорят, что он относится к своей божественной природе. В средние века это было воспринято как знак смирения Иисуса, но позже понималось как потенциальная возможность кощунственного высокомерия так, что многие ученые утверждают, что речения "Сын Человеческий" добавлены после смерти Иисуса. Некоторые из них утверждали, что термин связан с первозданной небесной человеческой и фигурой, и был связан с иранской религией, в то время как другие отрицают это полностью, что когда-либо была такая фигура вообще. В настоящее время это так и называется "Проблема Сына Человеческого".

Когда Иисус пришел и ходил по Галилее, возвещая, что он Сын Человеческий, никто не спросил его: "А что означает Сын Человеческий?" Все знали, о чём он говорит, другое дело верили или нет, насколько современные люди во многих частях мира понимают, когда кто-то говорит "Я-Мессия". Но здесь есть загадка, потому что термин очень странный в любом из древних языков, который нас интересует — на иврите, арамейском и греческом.

Христологическое использование термина "Сын Человеческий", как имя для конкретной фигуры невразумительно. На иврите или арамейском, как обычное словоупотреблении, это слово означает просто "человек"; в переводе с греческого это означает, в лучшем случае, чей-то ребенок. Однако, тогда получалось бы, что когда Иисус называл себя "Сын Человеческий", для арамейский слушателей получалось, что они слышали, как он просто называя себя человеком! Но контексты в Евангелии от Марка не позволяет нам интерпретировать слова Иисуса так. Было бы очень трудно интерпретировать стихи Марка 2 (обсуждается далее в этой главе) в том смысле, что любой старый человек обладает способностью прощать грехи против Бога или что любой человек есть господин субботы.

Обращение как Сын Человеческий, следовательно, должно быть объяснено исторически и текстуально. Это возможно только, если "Сын Человеческий" был известным и признанным титулом в тексте Евангелия от Марка. Откуда взялся это титул? Все такие употребления должны были намекать на ключевую главу в книге Даниила. Многие учёные изучающие Новый Завет были введены в заблуждение предположением, что термин "Сын Человеческий" относится только к пришествию Иисуса на облаках в парусии — повторное явление Иисуса на земле. Это привело к ещё большей путанице в литературе, потому что с этой точки зрения кажется сложно представить, как живет, дышит Иисус, еще не возвысившийся до Христа, и как Он может относиться к себе как к Сыну Человеческому, как он, очевидно, делает в нескольких местах у Марка и другие Евангелиях. Это проблема может быть решена, если мы будем думать о Сыне Человеческом не как представляющий определенный этап в развитии повествования о Христе, но как о главном герое всей истории — Иисус Христос, Мессия, Сын Человеческий.

Часто думают, что Сын Человеческий относится только к Мессии (Христу) в время его возвышения и после. В Марка 14:61-62, первосвященник спрашивает Иисуса: "ты ли Мессия [Христос], сын Благословенного?" И Иисус сказал: "Я, и вы увидите Сына Человеческого, сидящего по правую руку Силы, и грядущего на облаках небесных". Можно легко понять из этого стиха, что Иисус использует название Сын Человеческий что бы сослаться только на данный момент, в котором вы увидите, что он идет с облаками небесными. Теперь, если Сын Человеческий, по их

рассуждениям, Мессия (Христос) сидит по правую руку Силы и грядущего с облаками небеса, как же термин "Сын Человеческий" был использован Иисусом применительно к своей земной жизни? Учёным тогда приходится идти на большие натяжки, чтобы определить, какие слов о Сыне Человеком были изречения самого Иисуса, а которые были добавлены в ранней Церкви-учениками или евангелистами. Если, однако, мы понимаем что Сын Человеческий относится не к одному эпизоду в повествовании Иисуса-рождение, воплощение, существование на земле, смерти, воскресения, и возвеличивания — но все это вместе, тогда эти проблемы полностью устранены. Если Иисус (будь то "исторический" Иисус или Иисус изображается в Евангелиях) считал, что он был Сыном Человеческим, он был таким от начала до конца история, а не просто в один момент внутри неё. Сын Человек — это название всего рассказа и его героя.

Этот рассказ, повествование, которые Иисус считал воплотились в нём, вырастает из чтения истории "как бы Сына Человеческого" в книге Даниила. В Даниила 7, мы находим следующий рассказ ночного видения пророка:

9 Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий Днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его — как чистая волна; престол Его — как пламя огня, колеса Его — пылающий огонь.

10 Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним; судьи сели, и раскрылись книги.

11 Видел я тогда, что за изречение высокомерных слов, какие говорил рог, зверь был убит в глазах моих, и тело его сокрушено и предано на сожжение огню.

12 И у прочих зверей отнята власть их, и продолжение жизни дано им только на время и на срок.

13 Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему.

14 И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не преидет, и царство Его не разрушится.

В этом пророческом рассказе мы видим две божественные фигуры, четко обозначенные как древний и тот, кто выглядит как молодой человек. Младший имеет свой собственный трон (именно поэтому, с самого начала, есть больше чем один трон), и Ему передаётся Старшим владычество, слава и царствование над всеми народами мира; но не только это, а вечное царство на веки вечные. Это видение, того что будет в полноте времени история Отца и Сына.

С самых ранних интерпретациях и до современных, некоторые переводчики сочли "один, как Сын Человеческий" символ народа, а именно: верные израильтяне во времена Маккавеев, когда книга Даниила была написана.[13] Другие толкователи настаивали на том, что "[как бы] Сын Человека" — это вторая Божественная фигура наряду с Ветхим Днями, а не аллегорический символ народа Израиля. Мы находим у Афрата (четвертый век иранский Отец Церкви), следующую критику толкования (предположительно у евреев), понимания "как бы Сын Человек" как народ Израиля: "у детей Израильских получилось что они уже попали в Царство Всевышнего? Не дай бог! Или что люди приходят на облаках небесных?" (Доказательства 5:21)

Аргумент Афраата является экзегетический очень точными. Облака — как и путешествие на облаках — это общий атрибут библейского божественного пришествия, под названием Теофанией (по-гречески "Богопроявления")[14] И. А. Эмертон решительно подчёркивает: "Действие прихода на облаках предполагает теофанию Яхве. Если Дан. 7:13 не относится к божественным существом, то это единственное исключение из ВЗ."[15] Почти невероятно читать повествование о создании престолов, появление Древнего Днями на одном из них, и о приходе к нему как бы Сына Человеческого, что похоже на посвящении молодых богов их старейшинами. Некоторые современные ученые поддерживают Афраата однозначно. Специалист по НЗ Мэтью Блэк прямо указывает "это, по сути, означает, что в Дан. 7 есть два бога, Ветхий Днями и Сын Человеческий".[16] Эти два божества, по истечением времени, будет в конечном итоге первых двух лиц из Троицы.

Это ясная, и, очевидно, правильная интерпретация кажется опровергается продолжением текста Даниила 7:

15 Вострепетал дух мой во мне, Данииле, в теле моем, и видения головы моей смутили меня.

16 Я подошел к одному из предстоящих и спросил у него об истинном значении всего этого, и он стал говорить со мною, и объяснил мне смысл сказанного:

17 «эти большие звери, которых четыре, означают, что четыре царя восстанут от земли.

18 Потом примут царство святые Всевышнего и будут владеть царством вовек и во веки веков».

19 Тогда пожелал я точного объяснения о четвертом звере, который был отличен от всех и очень страшен, с зубами железными и когтями медными, пожирал и сокрушал, а остатки попирал ногами,

20 и о десяти рогах, которые были на голове у него, и о другом, вновь вышедшем, перед которым выпали три, о том самом роге, у которого были глаза и уста, говорящие высокомерно, и который по виду стал больше прочих.

21 Я видел, как этот рог вел брань со святыми и перевозмогал их,

22 доколе не пришел Ветхий днями, и суд дан был святым Всевышнего, и наступило время, чтобы царством овладели святые.

23 Об этом он сказал: зверь четвертый — четвертое царство будет на земле, отличное от всех царств, которое будет пожирать всю землю, попирать и сокрушать ее.

24 А десять рогов значат, что из этого царства восстанут десять царей, и после них восстанет иной, отличный от прежних, и уничтожит трех царей,

25 и против Всевышнего будет произносить слова и угнетать святых Всевышнего; даже возмечтает отменить у них праздничные времена и закон, и они преданы будут в руку его до времени и времен и полувремени.

26 Затем воссядут судьи и отнимут у него власть губить и истреблять до конца.

27 Царство же и власть и величие царственное во всей поднебесной дано будет народу святых Всевышнего, Которого царство — царство вечное, и все властители будут служить и повиноваться Ему.

28 Здесь конец слова. Меня, Даниила, сильно смущали размышления мои, и лице мое изменилось на мне; но слово я сохранил в сердце моем.

Евреи, противники позиции Афраата четко парировал: «если божественный является небесным существом или младшим Богом, то как он может подвергаться угнетению Селевкидского царя, который заставляет его отказаться от своих святых дней и его прав в течение трех и полтора года? Абсурд! Сын Человеческий должен быть символ детей Израиля»

Аргументы обеих сторон правильные. Как мы только видели, само видение Даниила, кажется, требует, чтобы мы понимали "один, как Сын Человеческий" как вторая Божественная фигура. Расшифровка видения в конце главы как ангельской, кажется, столь же четко интерпретировать "один подобный Сыну Человеческому" в качестве коллективного земной фигуры, Израиля или праведников Израиля. Неудивительно, что комментаторы спорят до сих пор. Сам текст представляется дом, разваливающийся на части. Ответ на этот вопрос заключается в том, что автор книги Даниила, который имел видение Даниила, прежде чем он хотел подавить древние свидетельства более чем единого Бога, используя аллегорию, чтобы сделать так. В этом смысле богословские споры, которые, как мы думаем, существует между иудеями и христианами уже были внутри еврейской полемики задолго до Иисуса.

Древние еврейские читатели вполне могли бы рассуждать так же, как отец Церкви Афраат, поскольку перемещение на облаках указывает на божественное существо в каждом эпизоде Танаха (еврейское название Библии), значит мы должны читать это текст как откровение о втором Боге. Подразумевается, что существуют две божественные фигуры на небе, старый Ветхий Днями и молодой Сын Человеческий[17]. Также евреи могли бы объяснить, то, что для этой Божественной фигуры вхождение во власть через четвертого зверя "один год, два года, и половина времени". Это спуск в ад-или, во всяком случае в царство смерти-на три дня — будет прекрасный ответа на этот вопрос.

Мессия—Христос существовал как еврейская идея задолго до того, младенец Иисус родился в Назарете. То есть, идея второго Бога как заместителя Бога Отца, является одной из старейший богословских идей в истории Израиля. Дан 7 -пожалуй является самым древним из религиозных видения Израиля, которые мы можем найти. Точно так, когда мы видим кусок древней римской стены, встроенной в современное римское здание, позволяет нам увидеть что древний Рим жив и функционирует в настоящее время, так и этот фрагмент древних знаний включен евреями за столетие перед Иисусом и далее оживает в настоящее время, как этот кусочек древнего мифа.

Остальное, как говорится, является Евангелие. Но дело в том, что эти идеи не были новыми в то время, когда Иисус появился на сцене. Они являются одними из самых ранних идей о Боге в религии израильтян, сравнимый с древними отношения между богами Эль и Ваал, в котором "Ваал приближается в своей сияющей грозовой тучей, а Эль — это трансцендентный Бог".[18] Эль, древний Бог неба всех Хананеев (его имя значит просто "Бог" на библейском иврите), был Богом справедливости, в то время как его младший соратник Ваал, для большинства Ханаанеев, но не израильтяне, которые называли его Яхве, был Богом войны. В библейской религии, дабы образовать более совершенное единобожие, эти два божества были

объединены в одного, что было не совсем легко. Израильтяне были частью того древнего сообщества Ханаана, которое было дифференцировано, в какой-то степени, разными представлениями о Боге, которые они разработали через свое историческое существование. Идею о двойственности в Боге, однако, не было легко отбросить, как бы некоторых вожаки не стремились это реализовать. Бог, который существует очень далеко, создает—почти неизбежно—необходимость ближнего Бога, Бог, который судит нас требует почти неизбежно Бога, который будет бороться за нас и защищать нас (пока второй Бог полностью подчиняется первому, принцип единобожия не нарушается).

В реконструированном реликте религиозного прошлого Израйля, который мы находим в двух тронах Теофании пророка Даниила 7, было что то, несомненно, тревожное. Некоторые евреи древности, например, автор книг Даниила во втором веке до н. э, но как мы знаем, были и другие евреи, которые приняли искренне, или просто по наследству, двойственность Бога Израйля: старый Ветхий Днями и молодой человек, движущейся на облаках. Они стали прародителями движения Иисуса и его последователей.

Два престола в Апокалипсисе Даниила указывает на очень древние представления в религии Израйля, в котором Эль — был небесный Бог правосудия и Ваал — молодой всадник на облаках, Бог бури и войны, которые не слились ещё, как это имеет место в Библии.[19] Я нахожу все это правдоподобным, что эти весьма значительные пассажи — признаки религиозной традиции, которые дали начало понятию Божественного Отца и Божественного Сына, которые мы находим в Евангелиях.

Взяв видение двух тронов вне контекста Даниил 7, в целом мы находим несколько важных элементов:

- (1) Есть два трона;
- (2) Есть две божественные фигуры, один, очевидно старый и, один молодой;
- (3) Молодой — Спаситель (Redeemer) и вечный правитель мира.[20]

Конечно, было бы неверно утверждать, я думаю, что если даже само понятие Мессия/Христос ещё здесь отсутствует, то очевидно присутствует понятие Божественного посланца, Божественного Царя над землей, и это имеет большой потенциал для понимания развития идеи Мессия/ Христа в позднем иудаизме (в том числе и христианство, конечно). Во- вторых — фигура Бога Искупителя (Redeemer), на мой взгляд, берётся из более ранней истории религии Израйля. После того, как Мессия был объединен с более юной Божественной фигурой, что мы находим в Даниила 7, потом стало естественным приписать ему термин "Сын Божий". Древний Хозяин трона и другой молодой в человеческом облики. Старший облакает молодого собственной властью на вечно на земле, и передаёт ему скипетр. Что может быть более естественным, потом, чем применить к нему титул "Сын Божий", Мессия в роли Давида царя Израйля, и понимая его буквально, как равную по божественности фигуры — Ветхий Днями и Сын Человеческий?

Таким образом, Сын Человеческий стал Сыном Бога, и "Сын Бога" стало именем для Божественной природы Иисуса и все без какого-либо разрыва с древней Еврейской традицией.

Богословие Евангелия, далеко не так радикально отличается от израильской религиозной традиции, скорее является консервативным возвращением к древнейшим элементам этой традиции, моментам, которые были в значительной степени подавлены (дальнейшей эволюцией в сторону монотеизма), но не совсем до конца. Идентификация сидящего на облаках с одним, как бы Сыном Человеческим у Даниила обеспечивает, имя и образ Сына Человеческого в Евангелиях. Из этого следует, что идеи о Боге, которое мы определяем как христианские инновации, может быть глубоко связана с некоторыми из самых древних израильских представлений о Боге. Они даже могут быть намного старше.

Одним из самых важных источников, которые мы имеем для самых древних этапов религии Израиля — это некоторые эпические тексты о богах Ханаана, которые были найдены в археологических раскопках в местечке Рас—Шамра (древний Угарит) в начале двадцатого века. Эти мифы выявили очень богатую древнюю Ханаанскую мифологию, особенно разработанные легенды о богах Эл и Ваал а их соперничество за наложниц. Хотя, конечно, израильская ветвь Ханаанейской группы частично определилась через отказ от этой мифологии, большая часть сюжетов, которые мы находим в текстах израильских пророков, псалмов и других библейских поэтических тексты лучше всего освящаются (понимается) через сравнение с этими древними текстами. Эти фрагменты древнего эпоса, попавшие в Библию, свидетельствуют также о существовании древних израильских версий этих эпосов и мифологии. Йельский ученый богословия Дж. Коллинз подвел основные пункты сравнения Даниила 7 с Хананеянкими (Угаритскими) представлениями.[21] Как он утверждает, "что важно — это модель отношений,"[22] а именно, тот факт, что у Даниила есть две богоподобные фигуры, один старый и один молодой, младший возносится на облаках, и он получает вечное владычество.[23] Коллинз подчеркнул, что "мифологическое сходство между отношением Ветхого Днями и Сына Человеческого, с одной стороны, и Эль и Ваал с другой, вписывается в более широкий вывод о том, что старый материал живёт в традициях Израиля и Иудеи." [24]

Наиболее убедительной реконструкции, показывает, что в древней религии Израиля, Эль был главным «высоким» Богом Ханаана, в то время как Яхве, похожий на Ваала, был божеством небольшой группы южных Ханаанский евреев, для которых Эль был очень далеким и неизвестным Богом. Когда группы объединились в Израиль,[25] YHWH (израильская версия Ваала), стал приравниваются к Эль как высокому Богу и их атрибуты объединились в один двойной Бог, причём воинственный характер взят от YHWH.[26] Таким образом, древний Эль и YHWH (в рамках парадигмы отношений между Эль и молодой бог войны севера Ваал)[27] слились в какой-то момент в начале истории израильско-ханаанейской, производя довольно напряженный и неустойчивый монотеизм.[28] Это слияние не было совершенным союзом. Эль и YHWH были очень разные и в некотором смысле у них были антитетических функций, и я предполагаю, что это дало остаток, в котором некоторые из характеристик молодого божества всегда имели потенциал отколоться опять в ипостаси (или даже отдельного Бога)[29] Эта напряженность и расщеплённость проявляется в традиции Даниила 7. Богоявления, где мы видим нового молодого Бога, по-видимому, безымянного, пока он не приходит, чтобы быть

Иисусом–или Энохом[30] В средневековом раввинском гимне эта напряженность сохранена YHVH это "и Древний на день суда и Молодой на день войны."

Это слияние, если это действительно было, должно было произойти очень рано, т. к. поклонения только одному Богу характеризует Израиль, со времён Иосии (6 до н. э.). Это слияние оставляет свои следы на поверхности текста, там где комбинация Эль-YHVH по-прежнему может быть обнаружена в связи с напряженностью и удвоения библейского текста, и более того даже воскреснуть, и дать скачок религиозного сознания, как появление второго, молодого Бога, или как часть Бога, или как божественного человека в Боге (и все эти варианты были приняты на «ура» "ортодоксальными" нехристианскими еврейскими богословами, а также христианами)[31].

Молодой Бог, в первоначальном мифическом тексте Даниила, это фигура, которая спасёт Израиль и весь мир, а не возвышенный Царь из Дома Давида[32]. Существует, как я утверждал, нечто в этом видении, что наводит на мысль или даже позволяет увидеть, что как бы Сын Человеческий действительно человеческое существо. Откладывая всякие объяснения и просто глядя на оригинал видения, мы находим, что эта божественная фигура, которой будет дано «владычество, слава, царство и все народы, нации и языки будут поклоняться ему», и владычество Его будет вечное, и его царство, никогда не будет разрушено Это мифический паттерн второго Бога, как Искупителя, будет иметь решающее значение в интерпретации Евангелия и для того что бы лучше понять связь этого божественного Искупителя и человеческого Давида Мессии.

Общие контуры теологии «Молодого Бога» подчинённого старому Богу присутствуют в видении Даниила 7, несмотря на то, что столько авторов трудилось, чтобы как то замаскировать это. Вместо понятий Эль и Яхве, как два Боги Израиля, картина Старшего Бога и Младшего Бога — мудрого судьи и бога войны и наказание, было передано от старых форм веры Израильско—Ханаанской религии к новым формам. Здесь, Старший Бог теперь полностью назван YHVH (и его превосходство не вызывает сомнений), в то время как функции младшего бога были частично заняты высшими ангелами или другими видами божественных существ.

После того, как Яхве поглощает Эль, младший Бог не имеет собственного имени, но предположительно идентифицируется в разное время с архангелами или по другой версии с Великим Ангелом Михаилом, а также с Енохом, Христом, а затем Метатроном[33] Некоторые из древних облиций молодого бога можно найти в еврейских текстах периода Второго Храма и позже, особенно "Маленький Яхве," Яхве'ель (Yahoel)"указывается на его идентичность как ЯХВХ[34]. Это сила мифа объясняет продолжающуюся жизнь еврейского бинитаризма в христианском иудаизме и жизненно присутствует в нехристианском Иудаизме, а также (Yahoel)в качестве имени для божественного наместника Метатрона, который появляться в конце византийского периода в еврейских текстах. Есть «наследство», которые оставил нам Даниила 7: это "Сын Человеческий" — термин для небесной фигуры Искупителя, и это возможно лучшее доказательство того, что здесь есть продолжение очень древнего бинитаризма еврейского богословия времен Второго Храма. Появление мифа о "один, как бы Сын Человеческий" в Данииле будет объяснять дальнейшее развитие представлений о "Сыне Человеческом" в качестве

темы в Евангелиях, а также некоторые другие древние еврейские религиозная тексты, такие как Книга Еноха.

Смысл термина "Сын Человеческий" и его использование в главе 7 Даниила является очень ценным свидетельством, ещё и тем, что смысл его противоречит смыслу библейского богословия. И говорит о сохранении поклонения старому Богу и молодому Богу в Израиле. Это свидетельство помогает прояснить исторические связи этой ранней картины религии и более поздним формам иудаизма, в том числе и раввинистическому иудаизму и христианству.[35] Я вижу это как очень живую часть религии Израиля как до, так и после возникновения иудаизма в форме христианства и в нехристианства.[36] Если Даниил это пророчество, то Евангелий исполнение!

Как евреи пришли к убеждению, что Иисус был Богом

Если все евреи, или даже значительное число из них, ожидали, что Мессия будет божественным, а также человеческим существом, тогда вера в Иисуса как в Бога это не та идея, из которой может возникнуть какая-то новая религия, а просто другой вариант иудаизма. Это спорное заявление, как может показаться, но оно должно сначала быть понято в контексте более широкой дискуссии об истоках божественности Иисуса. Теологическая идея, что Иисус на самом деле(актуально) был Богом, которая была уточнена позже, в тонкостях тринитарного богословия, называется "высокой христологией" в оппозиции к "низкойхХристологии" по которой Иисус был, по сути, вдохновенный человеческий пророк или учитель, но ни как не Бог.

"Христология" — это термин в христианской теологии и история христианства для всех проблем и споров, которые составляют историю и учение Христа. В пятом веке, например, были великие споры о том, есть у Иисуса одна природа человека и одна Божественная природа или одна комбинированная божественно-человеческой природы. Это называется "христологические споры". Многие другие вопросы были обсуждены в рамках христологии. Иисус был божественным от рождения или обычным человеком, который позже был усыновлён Богом и стал божественным? Как Иисус спас всех-через его распятие, его учение, его указание пути для человека, чтобы стать божественным? Часто утверждают, что низкая христология "еврейская", а высокая христология пришла в христианство от греческой мысли. Достаточно странно, это положение было принято как еврейскими писателями, которые стремились дискредитировать христианство как разновидность язычества и ортодоксальными христианскими учеными, желающие показать отличия "новой религия" от старой, чем дальше тем лучше! Это двойной оборонительный подход уже не может быть одобрен!

Вопрос о происхождении высокой христологии продолжает оживлять большую науку о предыстории христианства, или историю прото-христианства, как засвидетельствовано в Новом Завете. На первый взгляд, казалось бы, в этой идее нарушается абсолютный принцип еврейского монотеизма. В недавней статье, Эндрю Честер обобщил различные позиции, которые в настоящее время защищают ученые по этому вопросу, и которые можно разделить на две основные школы мысли.[37]

Согласно первой, которая была популярна среди либеральных протестантов на протяжении более века, идея божественности Христа может быть только относительно позднего и "языческого" происхождения, которое знаменует собой решительный разрыв с еврейской традицией. В силу этой аргументации выходит, что первые еврейские верующие в Иисуса верили в него, как вдохновенного учителя, возможно, пророка, возможно, в Мессию, но только как человека. И только позже эта точка зрения (Иисус—Бог) будет утверждаться, после того, как большинство христиан пришли из язычников, и что идеи Иисуса, как Бога, пришла, возможно, под влиянием "языческих" идей многих новообращенных христиан.

Второй подход, в настоящий момент воцарился среди исследователей Нового Завета, видит раннюю версию высокой христологии, как появившуюся среди в еврейском религиозном контексте.

Я утверждаю, что понять Евангелие можно только если оба, Иисус и евреи вокруг него, придерживались (утверждали) высокую христологию, согласно которой претензии на Мессианство также есть претензия на божественность в человеке. Это не тот случай, когда нам очень трудно понять крайне враждебную реакцию на Иисуса со стороны еврейских лидеров, которые не приняли его претензий. Споры среди евреев вряд ли было нечто новое; на спор не мог привести к распятию, должно быть нечто выходящее из ряда вон. Евреи утверждали, что он был Богом, что он был божественным Сыном Человеческим, которого евреи ждали и, более того, что уж было совсем сногсшибательным — он был простым деревенским парнишкой.

Хула на Сына Человеческого

Причин того, что многие евреи пришли к убеждению, что Иисус был божественным, была в том что они уже ожидали Мессия/Христа—Богочеловека. Это ожидание были неотъемлемой частью еврейской традиции. Евреи убедились в этом при внимательном чтении книги Даниила и понимание его видения и откровения как пророчества, о том что произойдет в конце времен. В этой книге, как мы только что видели, молодой Божественной фигуре дается верховная власть и он должен быть правителем мира навсегда. Я хочу показать, что Иисус видел себя в качестве божественного Сына Человеческого, и именно исходя из этого, я разъясню, пару сложных мест во второй главе Евангелия от Марка. Сыну Человеческому были дана Слава, Верховная власть над всем подлунным мире, как мы видели в Даниил 7 выше:

27 Царство же и власть и величие царственное во всей поднебесной дано будет народу святых Всевышнего, Которого царство — царство вечное, и все властители будут служить и повиноваться Ему.

Хотя этот стих из заявлений в рамках главы, что стремится демифологизировать повествование Сына Человеческого, такие усилия не могли противостоять силе стихов в начале главы, в которых божественность Сын Человеческий так четко обозначена.

В Марка 2:5-10, мы читаем следующее:

5 Иисус, увидев их веру, говорит парализованному: «Сынок, прощены твои грехи!»

6 Там сидело несколько учителей Закона, они про себя думали:

7 «Что Он такое говорит? Ведь это кощунство! Может ли кто, кроме Бога, прощать грехи?!»

8 Иисус сразу духом Своим проник в их мысли и говорит им: «Что у вас за мысли в сердце!»

9 Не легче ли сказать парализованному „Прощены твои грехи“, чем сказать „Встань, возьми свою циновку и иди“?

10 Так знайте же, что у Сына Человеческого есть власть прощать грехи на земле.

"Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи". Сын Человеческий имеет власть (очевидно, делегированной Богом), чтобы исполнить волю Божью прощать грехи на земле. Это требование является производным от Даниила 7:14, где мы читаем, что некоему подобному сыну человеческому будет дана "власть, слава, царство" — несомненно "авторитет, на вечно, что не прейдёт". Термин, который мы условно переводим как, "авторитет" в контексты Нового Завета в Септуагинте, а именно, "владычество" или "господство". То есть, Иисус утверждает, что Сыну Человеческому даровано именно то, что было даровано как бы Сыну Человеческому у Даниила, претензии Иисус основываются на древних текстах достаточно прямо[38]. В соответствии с этой традицией, Иисус утверждает что Сын Человеческий, есть тот, кому дарована Божественная власти на земле и "под небесами" (Даниила 7:27)[39]. Он есть Господь, который имеет право, в том числе, прощать грехи

Возражения книжников, называя поступок Иисуса о прощении "кощунство" связано с их предположением, что Иисус претендует на божественность через это действие; следовательно, их акцент на том, что только один Бог может прощать грехи, но ответ Иисуса: указывает на вторую Божественную фигуру из Даниила 7, как бы Сын Человеческий, уполномоченного действовать как Бог! Это означает прямое объявление двойственности Божества, которое, конечно, позже станет самой сутью христианского богословия. На протяжении Евангелия, когда Иисус заявляет, что власть для выполнения этого является прерогатива Бога, и это власть у Сына Человеческого, что говорит о том что авторитет, основан на тексте Даниила 7.3 5 . Теперь мы видим, почему позже раввины, называли этот очень древний религиозный текст ересь о "двух силах на небе".

"Сын Человеческий есть господин и субботы"

Вопрос о том, как правильно читать главу Даниила 7 очень занимало умы всех евреев того времени, а не только последователей Иисуса. Марк, непосредственно и преднамеренно предлагает нам внимательное прочтение Даниила. В этом свете, мы можем начать интерпретировать один из самых загадочных и ключевых терминов "Сын Человеческий" в Евангелии. Я поместил эти тексты в совершенно ином контекст, чем тот, в котором они как правило читаются. В этом новом контексте, определенные подсказки стали гораздо более яркими и говорящими. Глядя на текст в новом контексте, который выявляет связи, и который помогают увидеть совсем другую картину того, что происходит—или лучше сказать, что был поставлено на кон Евангелистом и его слушателями. Такое толкование Марка 2:10, есть результат внимательного прочтения Даниила 7:14, позволяет мне заново понять другое

недоумение — заявление в Марк 2 Сына Человеческого, известного как инцидент «шелушения зёрен в субботу». В этой истории ученики Иисуса обнаружены за шелушением зёрен для еды, когда они шли в субботу полем. Некоторым Фарисеям казалось, что это беспечное и высокомерное нарушение субботы.

Этот отрывок помогает нам понять, как получилось, что Иисус увидел себя (или изображается так) как божественный Искупитель и Мессия из рода Давидова, которого евреи ожидали (Мк 2:23 - 29):

23 Однажды в субботу Иисус шел через поле. Его ученики на ходу срывали колосья.

24 Фарисеи стали Ему говорить: «Смотри, что они делают! Этого нельзя делать в субботу!»

25 «Разве вы никогда не читали, — говорит им Иисус, — что сделал Давид, когда был в нужде и когда сам он и люди его голодали?»

26 Он вошел в дом Божий, при первосвященнике Авиафаре, и ел жертвенный хлеб — тот, который нельзя есть никому, кроме священников, — ел сам и дал своим людям».

27 И сказал им Иисус: «Суббота создана для человека, а не человек для субботы.

28 Поэтому Сын человеческий — господин и над субботой

Существует несколько хорошо известных проблем, присутствующих в этом отрывке, который (как и Марк 7, который я буду рассматривать ниже) имеет огромное значение для воссоздания еврейской религиозной истории[40]. Основными проблемами здесь являются ученики, которые шелушат колосья в субботу; природа и смысл ответа Иисуса, который даёт аналогию с Давидом; связь между этим ответом и Вт. 27-28, в котором Сын Человеческий есть господин и субботы, а Суббота дана для человека; и смысл и связь между этими стихами[41]. Иисус, как кажется, даёт слишком большое оправдания незначительному эпизоду с учениками: защита на основе древнего галахического принципа — Суббота может быть нарушена для благосостояния человека, или у Него есть нечто, что делает его статус Мессианским? Многие ученые "решают" эти проблемы, предположив, что текст был интерполирован. Это объяснение, само по себе неудовлетворительное, указывает на напряженность в тексте между древними галахическими спорами (которые там наверняка были) и радикальной апокалиптической трансформации в слова Иисуса (что я считаю здесь есть). Что убеждает меня в том, что есть подлинная память галахический споров это тот факт, что элементы рассуждения Иисуса нашли продолжение позже в традиции раввинов. Вот ключевой текст для наших целей:

Рабби Ишмаэля и рабби Елезар сын Азарии и рабби Акива шли по дороге и (перевод пропущен стр.62 -63)

В стремлении выделить принципиально новые и неверейские моменты в проповеди Иисуса, христианские писатели часто читали его заявление о том, что Суббота для человека, а не человек для Субботы как указание на общую оппозицию Законам субботы и как начало религии любви и не казуистики. В этом текст (про Рабби Ишмаэля), однако, мы видим, что сами раввины привели мнения о Субботе, которые были тесно связаны с мнением Иисуса м. б. более экспансивно выраженным, конечно, но не в противоречие с ними. Тематическое сходство между некоторыми из этих аргументов и аргументами Иисуса в Евангелии поражает. Эта

параллель становится еще сильной когда мы рассматриваем еще один момент, который мы находим в Мф 12, но не в Евангелии от Марка:

5 Или вы не читали в Законе Моисея, что по субботам священники в Храме нарушают субботу,

но это не считается виной?

6 Говорю вам: здесь нечто большее, чем Храм!"

таким образом обеспечивая параллельную аргумент рабби Акива.

Вполне возможно, что во времена полемики Иисуса с Фарисеями, еще не сформулировался принцип, что сохранение жизни отменяет Шаббат. Как указывает мой коллега Аарон Шемеш, таково мнение придерживались евреи общины Мертвого моря. Учение Иисуса, в этой связи, однако, вряд ли в оппозиции к учению таннаим, которые, возможно, узнали это от Иисуса, но скорее всего нет. Что является отличительной чертой Иисуса Евангелия — это, я думаю, дальнейшее апокалиптические расширения этих принципов, в частности, заявления о том, что Сын Человеческий божественный Мессия, и сейчас Господин субботы!

Это, возможно, объясняет потенциально огромную разницу между высказываниями раввинов и то что говорит евангелиста (или Иисус). Раввинистическая интерпретация, с их галахой, сильно клонит в сторону допущения нарушения субботы евреем, чтобы спасти другого еврея, в то время как установление Иисуса и его последователей, кажется (но не неизбежно), указывает, что жизнь любого человека должна быть сохранена в субботу. Если это так, то закон раввинов относится только к евреям, в то время как расширение Иисуса является продуктом радикального апокалиптического взгляда. Евангелие от Марка написано в тот момент, когда Тора не была отвергнута последователями Иисуса, но должна быть "выполнена" — использование терминология Матфея, в момент, когда Сын Человеческий утверждает свой полный авторитет. Сын Человеческий, по словам Даниила, действительно действует в отношении всех наций, и я бы осторожно предположил, что этим объясняется расширение Субботы (и, следовательно, исцеление в субботу) для других. Но у Марка мы находим Иисуса, который выполняет Тору, не отвергает её.

Евангелия свидетельствуют о древности темы и споров, которые позже появляются в раввинской литературе. Поскольку есть мало оснований полагать, что раввины на самом деле читали Евангелие, то из этого следует, что мы имеем независимые свидетельства этих споров. Аргументы о том, что Давид нарушал Тору, утверждения, что суббота для человека, и о службе в храме, допускающие нарушения субботы (последний случай встречается в Евангелии от Матфея, но не у Марка) всё это было мобилизовано в раввинской литературе для того, чтобы оправдывать спасение жизни в Шабат (включая, без сомнения, спасение от голода), только с важной оговоркой, что это необходимо для исцеления, чтобы быть сделано в Субботу, то есть состояние, угрожающее жизни. Это соединение вряд ли может быть случайным; некоторые очень ранние версии полемики разрешение исцелять в субботу можно найти в этом отрывке[42]. Если мы будем оставаться на этом уровне интерпретации, то то Иисус будет не особенно радикальным, при всех очевидных странностях такого «раввина». Тем не менее, в этом подходе оставляет слишком много в тексте необъясненным. Он не объясняет, все эти аргумент про Давида,

который накормил себя и своих последователей запретным хлебом. Мы увидим, как в настоящее время понимают этот текстуальный момент, и покажем другое измерение Марковской теологии Иисуса.[43]

Короче говоря, мое предположение заключается в том, что есть множество аргументов в пользу того, чтобы позволить нарушение субботы для исцеления (что в настоящее время является общепринятой практикой), которые нагромодились на дальнейшую радикализацию апокалиптических моментов предложенной самой связи с поведением Давида. История Давида сама по себе может интерпретироваться так или иначе. Подобно тому, как раввины решили подчеркнуть голод Давида и, таким образом, спасательный аспект этой истории, оправдывая другие нарушения закона, если жизнь может быть в опасности (палестинский Талмуд Йома 8: 6, 45: б), так же у Матфея и Марка, напротив, понимали эти истории как об особых привилегиях Мессии. Эта причина отсутствия стиха 27 в Евангелии от Матфея (и Луки) является то, что мессианское богословие Марка было немного слишком радикальным для более поздних евангелистов.

Обращая внимание на то, что аллюзии на Дан. 7, подразумеваемой при каждом использовании фразы "Сын Человеческий", можно увидеть во всех этих ситуациях, Марковский Иисус делает именно такие же претензии на основе полномочий делегированных Сыну Человеческому в Дан 7, как он это делает в Мк 2: 10.[44] Это позволяет мне предложить решение, о последовательности стихов 27-28. (Мк 2:23 – 29) Одно из возражений может быть, что суббота не является "под небом", но на небе и, следовательно, не восприимчиво к передаче власти от Ветхим днями к Сыну Человеческому. Это возражение полностью отвечает утверждением, что суббота дана для человека; следовательно, Сыну Человеческому, которому дано владычество в человеческом мире, является господи Субботы.[45] Это на самом деле необходимая часть аргумент о том, что Сын Человеческий есть господин и субботы, ибо если Суббота (как можно было бы очень хорошо интерпретировано на основании Бытие 1) на Небе, то утверждение, что Сын Человеческий, который имеет Власть только на земле, может отменить ее положения было бы очень слабым. Я думаю, что это объяснение связь между ст.. 27 и 28 ответов многие интерпретационные головоломки, которые возникают, когда 27 читается как обычное гуманистическое утверждение, что-то вроде "Суббота была для человека, так что делайте все, что вы хотите." [46] На мой взгляд, напротив, возможно, является традиционным еврейским оправданием нарушение субботы, чтобы сохранить жизнь, в руках Иисуса Марка, оправдание для мессианской отмены Субботы.[47] Эта интерпретация, конечно, тоже имеет место. Я думаю, что две основные точки зрения сливаются в текст: единство двух ответов Иисуса (оба они являются ссылками на его мессианский статус) и подчинение "Так Сын Человеческий есть господин Субботы." [48]

Галахические аргументы в устах Иисуса здесь и в Глава 7 слишком хорошо сформированы и хорошо исторически засвидетельствованы, что бы их игнорировать; Иисус, или Марк, конечно, знали это. Они не являются пережитком, но представляют, я верю в это, фактические споры первого века, и они дают драгоценные свидетельства того, что такой галахический дискурс и рассуждения были в дошедших до нас текстах уже и тогда. Но это не всё, что здесь есть, конечно. Есть два элемента, того что имеется мобилизации в Евангелиях таких аргументов

чисто галахических споров. Во-первых, в обоих случаях, Иисус использует сам аргумент, а не галаху, как признак этического чтения, своего рода притчу; второй и наиболее интересный момент является то, что апокалиптический элемент Сына Человеческого вводится здесь, как и в рассказе о расслабленном, чтобы продемонстрировать мессианскую, божественно-человеческую природу, власти Иисуса как Сына Человеческого сейчас на Земле. Сравнение с Давидом, конечно, очень заострены и позволяют предположить, что Искупитель Даниила 7: 13-14 действительно был понят как мессианский царь, сын Давида. Я хотел бы найти таким образом, здесь явное свидетельство идентификации Давида—Мессия с Сыном Человеческим, опознания того, что явно не требует человеческого генеалогическую связь между ними, ибо Сын Человеческий есть фигура полностью райская, которая становится человеком.[49]

Были и другие древние евреи, во времена самого раннего написания Евангелия, которые тоже читали Даниила 7 таким же образом, по моему предположил, как делал Иисус. В этом варианте прочтения, Марк говорил о Сыне Человеком как о Господине субботы, подчёркивая именно радикальность эсхатологических выводов, но это не то, что могло бы обосновывать шаги за пределы израильской общины. Если видение Даниила в этом месте исполняется через Личность Иисуса, как воплощение Сына Человеческого, то некоторые радикальный изменение есть именно то, что можно было бы ожидать в конце времен. Государь, говорят нам современные политические теоретики, это тот, кто может сделать исключения из любого закона, когда сочтёт это необходимым или целесообразным. Именно такие суждения о том, что Сыну Человеческому была дана власть. Власть выражается путем расширения возможности евреям нарушать субботу, чтобы спасти жизнь. Этот эсхатологический шаг является одним из тех, которые многие евреи отвергли не потому, что они не верили, что Сын Человеческий есть господин и субботы, но потому, что они не верили, что Иисус был тем самым Сыном Человеческим.

Я считаю, что эта божественная фигура, которой делегирована власть, является Царем Искупитель, как это чётко сказано у Даниила[50]. Таким образом, эта фигура «созрела» для идентификации с Давидом Мессией, так как мы это читаем в Евангелиях, а также в нехристианской современной еврейской литературе в такой как книги Еноха или четвертой книги Эздры. Использование термина "Сын Человеческий" в Евангелиях соединяется с доказательством такого использования в других древних еврейских текстов, чтобы привести нас к рассмотрению термина, используемого таким образом (и, что более важно, концепция второго божества подразумеваемой ею) в качестве общего места, которые я подчеркиваю, не означает, что это было общепринято в иудаизме до Иисусом.

2. Сын Человеческий в Первой книге Еноха и в Четвертой книге Эздры: Другие еврейские Мессии первого века

Последователи Иисуса были не одни на еврейской сцене. Другие евреи тоже воображали людей, которые достигли статуса божественности и сидят рядом с

Богом или даже на божественном троне. Примерно в то же время что и книга Даниила, Иезекииль—Трагик, александрийский еврей писал:

*Я видел сон: Синайская вершина
И трон на ней высокий, до небес,
На троне же — муж, благородный видом,
В короне царской, в левой же руке
Сжимает скипетр. Подзывает правой
Меня рукой — я в страхе подхожу.
И вот, мне царь вручает скипетр свой,
И уступает место на престоле,
И диадему мне передает.
Оттуда я узрел весь круг земной,
И то, что под землей, и что над небом,
И звезды падали к моим ногам,
И я считал их — я число их ведал
И строил их в порядок боевой.
И в ужасе от сна я пробудился*

Здесь мы имеем, очевидно, образ божественного трона с воцарением второй фигуры на троне рядом или даже на месте Древнего. В контексте иудаизма второго храма, "если мы найдем фигуру отличную от Бога, и сидящую на Божьем престоле, то мы должны видеть это как одно из самых мощных богословских символических средств включения такой фигуры в Божественное единство".[51] следуя этому принципу, мы видим, что в этом тексте Моисей стал Богом. Не такая уж невозможная мысль для еврея, который жил задолго до Иисуса. Если Моисей мог быть Богом в одном варианте еврейского религиозного воображения, тогда почему бы Иисусу не быть в другом?

Евреи, во времена Иисуса, ждали Мессию, который был бы и человеком, и Богом, и кто был бы Сыном Человеческим, идея, которую они извлекли из Даниила 7. Почти вся история Христа — с различными вариациями—встречается в религиозных идеях некоторых евреев, которые даже не знали об Иисусе. Иисус, для своих последователей, воплотил идею Христа; Христос не был изобретен, чтобы объяснить жизнь и смерть Иисуса. Варианты этого повествования, истории о Сыне Человеческом (которые позже назвали христологии), имели широкое распространение среди иудеев до пришествия Иисуса; Иисус «принял» роль, которая существовала до его рождения, и поэтому так много евреев были готовы принять его как Христа, как Мессию, Сына Человеческого. Такой взгляд на вещи совершенно противоположен научной традиции, которая предполагает, что христология была создана после того как Иисус пришел, и для того, чтобы объяснить его потрясающую «карьеру» на «должности»:

Описание вакансии: *Требуется: один Христос, должен быть божественным, будет называться Сыном Человеческим, будет Властителем и Спасителем евреев и мира.*

Это описание уже существовало, и Иисус подходил (или не подходил по словам других евреев) для этого. Описание «должности» было готово давно, а не было подстроено под Иисуса!

Книги Еноха

Книга Еноха является ключевой частью Библии Эфиопской Ортодоксальной Церкви; она не входит в Западную, Католическую, Православную или Протестантскую Библию. Книга Еноха содержит пять Енох состоит из пяти частей, или книг:

- 1) Книга стражей (гл. 1—36);
- 2) Книга образов (подобий) [или притч] (гл. 37—71);
- 3) Астрономическая книга [тж. Книга астрономических писаний, или Книга движений небесных светил] (гл. 72—82);
- 4) Книга видений (гл. 83—90);
- 5) Книга послания Еноха (гл. 91—104)

Эти книги были написаны допотопным Енохом, собраны вместе в конце первые века н. э. фрагменты из них были найдены в Кумране (свитки Мертвого моря), за исключением притч, и фрагментов известных из разных греческих источников. Сейчас считается, что книга Стражей является старшей из книг Еноха (третий век до н. э.), а Притчи, скорее всего, написаны в середине первого века нашей эры. Все части написаны как видения древнего мудреца Еноха, и, таким образом, текста в целом есть Апокалиптическое Откровение, похожее на книгу Даниила или книга Откровения из канонического Нового Завета.

1 книга Еноха и Евангелия

1 Еноха, написана еврейским писателем в первом веке н. э.[52] широко используется термин "Сын Человеческий" для обозначения божественного человека Искупителя (Redeemer) который воплотился в фигуре Еноха, это демонстрирует многие элементы, из которых составлены истории Христа. "Сын Человеческий" в книгах Еноха является потомком традиции Даниила "как бы Сына Человеческого". В притчи Еноха, Глава 46, мы читаем следующее видение Еноха:

Там я увидел, того кто есть Глава Дней, и его голова была как белая шерсть и с ним был другой, чье лицо было похоже на человека; и его лицо было полно милосердия, как у святого ангела. И я спросил Ангела мира, который пошел со мной и показывал мне все сокрытое, об этом "сыны человеческого" — кто он и откуда он был [и] почему он пошел с главой дней. И он ответил мне и сказал мне: "это сын человек, который имеет праведность."...

В текста книги Еноха, как в книге Даниила в почти тех же формулировках, есть две божественные фигуры, один Древний и тот, кто имеет вид человека или как бы "Сына Человеческого" молодой человек, или так кажется по сравнению с Древним. Понятно, что Енох знает точно, кто "Глава дней", но он удивлён — кто этот Сын Человеческий?. Здесь есть драматическая ирония. Хотя Енох не знает, кто такой Сын Человеческий, но мы то знаем, что это тот же что и у Даниила, приходит к Ветхому Днями со снежной бородой и есть два трона, а также к концу притчи Еноха, как мы увидим ниже, Енох станет Сыном Человеческим, как Иисус в Евангелии.

Эта книга дает нам наши самые явные доказательства того, что идея Сына Человеческого, как богочеловеческого Искупителя, появилась во времена Иисуса, при изучении книги Даниила. Глава 46 книги есть прекрасная демонстрация этого процесса. Мы можем видеть, как идеи книги Даниила использовались в создании

нового "мифа" в случае Притч другими евреями. Без сомнения, мифы о Мессии сформированы таким же образом. Интерпритативный процесс, что мы наблюдаем в данном случае — это ранняя форма мидраша.[53] Поразительно, однако, что ангел Еноха не соответствует ангелу Даниила. В то время как ангел Даниила объясняет, что Сын Человеческий является символом святых Израиля (великомучеников Маккавеев), ангел Енох объясняет, что Сын Человеческий есть праведная Божественная фигура. Как мы видели в Главе 1 этой книги, это и был первоначальный смысл видения, автор книги Даниила стремился при помощи фигуры ангела интерпретировать Сын Человеческий иносказательно.

Что мы узнаем из этого, заключается в том, что был спор между евреями о природе Сына Человеческого задолго до того как Евангелия были написаны. Некоторые евреи приняли и некоторые отвергли идею божественного Мессия. Притчи являются доказательствами традиции толкования Сына Человеческого, как божественного человека, традиции, которая питали движение Иисуса. Только столетия спустя, эта разница в убеждениях стала маркером различий между двумя религиями.

Размышления и ожидание Сына Человеческого, кажется, тогда, были распространенной формой Еврейской веры в конце эпохи Второго Храма. Притчи Еноха, кажется, был написаны не изолированной сектой, а внутри широкой еврейской мысли.[54]

Иисусово богочеловеческое Мессианство было частью того, что евреи ожидали, даже если многие думали про Иисуса из Назарета, что он не очень похож на эти ожидания.

В книге Еноха, эта фигура является частью Бога; как бы второй или младший Бог, он может даже считаться Сыном рядом с Ветхим Днями, о которыми мы могли бы начать думать как об Отце. Хотя обозначение Мессия также появляется и в других местах, в Енох 48, это сходство с Евангелием Иисуса выражены наиболее ярко. Вот этот отрывок целиком:

1 И в том месте я увидел источник праведности, Который был неисчерпаем: И вокруг него много источников мудрости: И все жаждущие пили из них, И наполнялись мудростью, И жилища их были с праведными и святыми и избранными.

2 И в тот час Сын Человеческий был назван в присутствии Господа Духов, И имя его пред Главой Дней.

3 Да, прежде сотворения солнца и знамений, Прежде создания звезд небесных, Имя Его было наречено пред Господом Духов.

4 Он будет посохом для праведных, на который они будут опираться и не упадут, И будет он светом язычников, И надеждою обеспокоенных сердец.

5 Все, живущие на земле, падут и поклонятся ему, И восхвалят, и благословят, и прославят Господа Духов песней.

6 И по этой причине он был избран и сокрыт пред Ним, Прежде сотворения мира и навеки.

7 И мудрость Господа Духов открыла его святым и праведным; Ибо он сохранил жребий праведных, Потому что возненавидели и призрели они этот мир нечестия, И возненавидели все его дела и пути в имя Господа Духов: Ибо в его имени они спасаются, И такова была его благая воля по отношению к их жизни.

8 В эти дни померкнут лицом все цари земные, И сильные, владеющие землей, из-за дел рук своих, Ибо в день своего страдания и горя они не (смогут) спасти себя.

9 И Я отдам их в руки Моих избранных: Как солома в огне, так они будут гореть пред лицом святых: Как свинец в воде, так они потонут пред лицом праведных, И никакого следа от них более не будет найдено.

10 И в день их бедствия на земле будет покой, И перед ними они падут и не поднимутся вновь: И не будет никого, кто возьмет их своей рукой и поднимет их: Ибо они отвергли Господа Духов и Его помазанника.

11 Да будет благословенно имя Господа Духов.

Это красивая религиозная поэзия является ключевым текстом для понимания христологии Евангелий, а также для демонстрации еврейских корней этого явления. Во-первых, мы находим здесь учение о предсуществовании Сына Человеческого. Он был еще до начала Вселенной. Во-вторых, Сыну Человеческому будут поклоняться на земле: "все живущие на земле, падут и поклонятся пред ним, и они будут прославлять и благословлять и петь гимны во имя Господа Духов". В-третьих, и, возможно, самое главное, в стихе 10 он назван Помазанником, именно Мессия (иврит *mashiak*) или Христос (по-гречески). Представляется вполне очевидным, что многие, из религиозных идей, которые были высказаны о Христе, были идентифицированы с Иисусом, уже присутствовали в иудаизме, и из этого позже появились Енох и его круг и Иисус и его круг.

Не менее захватывающие откровения есть в главе 69, где мы читаем об окончательной суде:

26 и у них была великая радость, и они благословили и прославлен и возвышен, потому что имя Сына Человеческого был раскрыт им.

27 и Он сидел на троне славы и весь суд отдан Сыну Человеческому, и он сделает грешники исчезнут с лица земли.

28 и тех, кто привел мир в заблуждение, будут закованы в цепи и сбраны в месте где их уничтожат; и все их произведения исчезнут из народов земли,

29 и с тех пор там ничего не будет, что это тленно; за то, что Сын Человеческий появился, и сел на престоле славы своей, и все зло исчезнет от его присутствия. И слово Сына Человеческого пойдет вперед и будет преобладать в присутствии Господа духов.

Здесь Сын Человеческий явно занимая свой трон славы, сидит, по правую руку Древнего Днями. Трудно отделаться от мысли, что Сын Человек на самом деле второй Бог. И все функций, возложенных на Божественную фигуру под названием «подобный Сыну Человеческому» в Даниила 7 даются этому Сыну Человеческому, которые также называют, как мы видели, Христом

И Енох был с Богом: апофеоз Еноха

Один из самых поразительных аспектов учения Христа — это сочетание в одной фигуре человека и Бога. Но даже это радикальная идея, среди евреев последователей Иисуса, не является уникальной. Мы находим нечто подобное в основном корпусе притч, хотя Енох не Сын Человеческий. Это, безусловно, так, поскольку в главе 46 и на протяжении основного текста, он тот, кто видит Сына Человеческого и кому объясняют смысл Сына Человеческого, как эсхатологического Искупителя и Мессия;

поэтому Енох не могут быть идентичными с ним[55]. В конце, однако, в главах 70 и 71, Енох становится Сыном Человеческим — он становится Богом.

В этих главах мы имеем замечательные возвышенные сцены. В главе 70, нам говорят о Енохе в третьем лице: "и это произошло после этого [что], пока он был жив, его имя было поднято над теми, кто живет на земле в присутствии Сына Человеческого и в присутствии Господа Духов. И он был поднят на колесницах духа, и имя его исчезло среди них." Но потом, без паузы, текст начинается от первого лица, и нам говорят, "и с этого дня я не был одним из них". Мы имеем здесь мидраш Еноха на знаменитые стихи из книги Бытия, что «23 Триста шестьдесят пять лет прожил Енох, 24 и его жизнь шла с Богом. И не стало Еноха: Бог взял его к Себе» (Быт. 5:22-24) то есть пример апофеоза, когда некий человек становится божественным. Как заметил Моше Идель, всемирно известным знаток Каббалы:

«Различные важные события в истории Еврейского мистицизма [должны быть объяснены как] постоянное конкуренция и синтез между двумя основными направления: обожествление и богоявление. Они представляют собой древние импульсы нескольких выдающихся людей, которые преодолели смертное положение человека, через процесс обожения, поднявшись на высоту, должны быть преобразованы в более прочную сущность ангела или Бога. В противоположность устремленности (апотеозиса) ввысь — вектор теофании, выступает явлением Божественного в прямом порядке вещей или в качестве посредника с небесной иерархией». [56]

Это соревнование традиций разрабатывается на страницах Еноха; кроме того, происходит важный синтез, синтез традиции апофеоза и теофании, что является ключом к религиозным идеям Евангелий. В Книге Еноха, как и в почти современных им Евангелиях мы находим мощное соединение или синтез между идеей Бога, появляющегося на земле как человек (теофания) и человек поднятый до уровня божественности (апофеоз).

В заключительных главах Притч Еноха показаны все тайны Вселенной и он принесён в дом архангелами, с Древним Днями среди них. В главе 71, Ветхий Днями приходит к Еноху и заявляет: "ты-Сын Человеческий, который родился в праведность, и праведность остается с тобой, и праведность Ветхого Днями не оставит тебя." Енох был вознесен и «сращен» с Сыном Человеческим, до божественного Искупителя и небесного Мессия, которого мы уже встречали.

Енох становится Сыном Человеческим

Несмотря на позднейшие богословские тонкости, Евангелия включают историю о Боге, который стал человеком (теофания) и еще историю человека, который становится Богом (апофеоз). То есть, мы по-прежнему видим в Евангелии (особенно у Марка и Павла, в которых нет историй о чудесном рождении) остатки версии христология, в которой Иисус родился человеком, и стал Богом при крещении. Эта идея, позже названной ересью адопционизм (Богом приняв Иисуса как своего сына), не было совсем искоренена до Средневековья. Двойственность рассказа о Сыне Человеческом в книгах Еноха помогает нам понять двойственность истории Иисуса в Евангелиях. Это помогает нам понять многочисленные аспекты истории Христа: его рождение в качестве Бога, его становление Богом при крещении, смерти и

воскресения вновь как живого человека, учение в земной жизни, и затем его возвышение по правую руку Бога в вечности. Это почти как если бы две истории были собраны вместе в одном сюжете: одна история о Боге, который стал человеком, спустился на землю, и вернулся домой, а второй рассказ о человеке, который стал Богом, а потом взошел на небо.

Детали книги Енох могут научить нас религии и религиозной истории евреев, которые уверовали, что человек стал Богом (или Богом стал человеком). Корни апофеоза Еноха, кажется, идут с очень давних времён древнего Ближнего Востока. Я надеюсь раскрыть очертания судьбоносного момента в еврейской религиозной истории, в котором формируется учение о Мессии как воплощенной Божественной личности и как возвышенного человека[57]. Надо помнить, что идея Мессии первоначально была сосредоточена на обычном «человеческом» царе из дома Давида, который восстановит воцеленную монархию, в то время как идея божественного Искупителя развивались параллельно. Во времена Иисуса (или на самом деле несколько ранее), обе эти идеи объединяются в концепция божественного Мессии. Лучшего доказательства этого в том, что в притчах Еноха, мы находим такую же комбинацию религиозных понятий, которые мы находим в современных Евангелиях. Предсуществование Сына Человеческого, очевидно из притчи Еноха 48:2-7:

2 И в тот час Сын Человеческий был назван в присутствии Господа Духов, И имя его пред Главой Дней.

3 Да, прежде сотворения солнца и знамений, Прежде создания звезд небесных, Имя Его было наречено пред Господом Духов".

В той же главе он назван Мессией. Кроме того, в стихах, что и дальше от этого один, он обозначается как Искупителя, а также тот, к кому поклонение:

4 Он будет посохом для праведных, на который они будут опираться и не упадут, И будет он светом язычников, И надеждою обеспокоенных сердцем.

5 Все, живущие на земле, падут и поклонятся ему, И восхвалят, и благословят, и прославят Господа Духов песней.

6 И по этой причине он был избран и сокрыт пред Ним, Прежде сотворения мира и навеки.

7 И мудрость Господа Духов открыла его святым и праведным; Ибо он сохранил жребий праведных, Потому что возненавидели и призрели они этот мир нечестия, И возненавидели все его дела и пути в имя Господа Духов: Ибо в его имени они спасаются, И такова была его благая воля по отношению к их жизни.

Это не точно такая же традиция, что подразумевает Вознесение человеческой фигуры в предсуществующего небесного Искупителя, и эти две линии кажутся почти противоречат друг другу. В глава 46 и его продолжений, Сын Человеческий и божественный Енох мудрый провидец, которому была даны поразительные видения; в главах 70-71, Енох сам был идентифицирован как божество. Это версия традиции апофеоза, когда человек становится божеством.

Эта теологическая инновации должны уже быть до написания книг Притч Еноха в первые века н. э.; это имеет важное значение для понимания подобных разработок, которые мы можем наблюдать в в христологии Нового Завета. Подобно тому, как Сын Человеческий притчах Еноха — это предсуществующая Божественная фигура

достойна божественного трона и имеет все привилегии и власть, как Сын Человеческий у Даниила, и как предсуществующий Сын Человеческий Евангелий. Эта Божественная фигура стала в конечном счете отождествляется с Енохом двумя способами, один через Его становление Енохом и когда Енох возносится на небо. Это парадокс, который есть в евангельской истории Христа: с одной стороны, Сын Человеческий — это Божественная личность, часть Бога, сосуществует с Богом в вечности, раскрывается на земле в человеке Иисусе; с другой стороны, человек Иисус был возвеличен и поднят к божественному статусу. Как правильно подметил Моше Идель, мы видим "Сына Человеческого", как апофеоз, человека становящегося Богом, и в то же время, "Сын Человеческий" как Богоявление, самооткровение Бога в человека. Но акцент в Енохианская версия на апофеоз, а в Евангелии на Богоявление, и это будет важной частью дальнейшего рассказа, но оба элемента присутствуют в обоих вариантах. Дальнейшее исследование истории Еноха поможет нам это лучше понять.

3. Иисус соблюдал кашрут

Большинство (если не все) идеи и практики движения Иисуса первого века и начало второй век—и даже позже—можно смело понимать в рамках идей и методов, которые мы были в иудаизме этого периода. Идеи Троицы и воплощение, или точнее ростки этих идей, уже присутствовали среди верующих евреев задолго до того как Иисус вышел на сцену, чтобы воплощать в себе те богословские идеи и заявить о своём мессианском призвании.

Однако еврейское происхождение идей движение Иисуса — это только одна часть новой картины которую я обрисовываю здесь. Многие из наиболее убедительных доказательств еврейства первых общин Иисуса можно почерпнуть из самих Евангелий. Евангелия, конечно, почти всегда понимается как маркер разрыва с иудаизмом. Снова и снова мы находим в толкование на них (будь то богословские или научные) заявления о том, что учение Иисуса это радикальный разрыв с "иудаизмом" своего времени. Представления об иудаизме, как законнического, как мрачной религии в сравнении с учением Иисуса о любви и вере, умирают очень тяжело.

Даже среди тех, кто признает, что сам Иисус вполне может быть благочестивым евреем — это, всё равно, особый учитель, последовательно разрывающий с иудаизмом—в Евангелиях, и особенно у Марка, его почти полное опрокидывание формы традиционного благочестия. Одним из наиболее радикальные из этих моментов — полное неприятие Иисусом у Марка иудейских кошерных правил.

Парадокс состоит в том, что в пику традиционному взгляду на этот вопрос, в Евангелие от Марка, Иисус сохраняет приверженность кашриту, и выступал не как противник Торы, а как её защит! Были разногласия с некоторыми другими еврейскими лидерами о том, как лучше соблюдать Закон, но никто (я буду аргументировать это ниже), не думал о том, соблюдать ли законы в обще! Согласно Марку (и тем более Матфею), дало идёт не об отказе от Законов и практики Торы,

Иисус был убежденным защитником Торы и выступал против тех, кого он воспринимал как угрозу Закону — а именно против Фарисеев.

Фарисеи были своего рода реформаторским движением внутри еврейского народа, проживали они в Иерусалиме и Иудее. Фарисеи стремились обратить других евреев в их образ мышления о Боге и Торе, который включал изменения по сравнению с Торой, которые Фарисеи называли «традицией старцев». Обоснование этих реформ во имя устной Торы, традиции, переданной старейшинами из Синая, были восприняты многими традиционными евреями как радикальные изменения, особенно если это связано с изменением традиционных практик, которые они и их предки сохраняли из поколения в поколение. По крайней мере некоторые из этих Фарисейские нововведения вполне могли представить изменения в религиозной практике, которые имели место во время Вавилонского изгнания, в то время как евреи, оставшиеся в стране, продолжали хранить свои древние обычаи. Это вполне правдоподобно, поэтому, чтобы другие евреи, такие как Галилейский Иисус, отвергал их как оскорбление Торы и как святотатство.

Иудаизм Иисуса был консервативной реакцией против некоторые радикальные новшества в законодательстве, введенных Фарисеями и книжниками из Иерусалима. Евангелие от Марка даёт основу для такого понимания Иисуса, с последствиями для прочтения Евангелий в целом. В XX веке новое историческое понимание Евангелий начало формироваться и сейчас принимается в большинстве (но не всех) научных кругов. Сейчас большинством ученых считается, что Марк самое раннее из Евангелий, написанное спустя какое-то время после разрушения Храма в 70 году нашей эры. Матфей и Лука использовали Марка и модифицировали его для своих целей, а также добавляя другие источники для Евангелия, в частности источник с высказываниями Иисуса.

Это новое убедительное объяснение того, как Синоптические Евангелия связаны друг с другом, возможно, является непреднамеренным следствием того, что идея о том, что Иисус отменил Закон — самый основной момент Христианское движение. Если, как утверждают большинство ученых, автор Марк был язычником и он был довольно невежественный в Иудейском Пути, то в самом начале Движения Иисуса уже заметен отказ от Еврейский образ жизни. С другой стороны, если бы Марк был сам Член еврейской общины то, так же как и его Иисус, начало христианства можно рассматривать в совсем другой свет, как вариант, возможно радикальный, но внутри религии евреев. Иисус, с этой точки зрения, сражался не против иудаизма, но внутри него — и это совсем другой вопрос. Иисус был отнюдь не маргинальным евреем и а был лидером одного типа иудаизма, которая была оттесняемой другой группой, фарисеями, и он боролся против них, как опасных новаторов.

Этот взгляд на христианство как разновидность иудаизма, и даже весьма консервативной разновидности, лежит в основе нашего описания отношений во втором, третьем и четвертом веках в период конкуренции иудо-христианства и языко-христианства, который в конечном итоге (после нескольких веков] победил.

Марк 7 и не разделение Путей

Общепринятое чтение Евангелия от Марка состоит в том, что отношение Иисуса к еврейским диетическим законам воспринимается как переломный момент в религиозной истории, когда один набор фундаментальных убеждений изгоняется в пользу нового мировоззрения. На протяжении столетий христианские проповедники, ученые и читатели Евангелия Марка думали, что Иисус не только не соблюдает кашрут, но и то, что он позволил есть все продукты, которые Тора запрещает есть евреям. Это существенный момент, ведь диетические законы были и остаются сегодня одним из самых отличительных моментов Еврейской религиозной практики. Если Марк не был правильно понят, и его Иисус не отказываться или отменяет такие основные еврейские традиции, как соблюдение кашрута, то наше представление о движении Иисуса и его связи с иудаизмом его времени совершенно меняется. Короче, если ранние христиане верили, что Иисус соблюдал кашрут, то у нас есть хороший повод, чтобы посмотреть, на христианство как на одну из конкурирующую ветвей иудаизма.

Вопрос о "еврействе" Марка лежит в основе нашего понимания исторического смысла движения Иисуса в его ранний период. Иисус был, с точки зрения которую я защищаю здесь, не против евреев или иудаизма, но против некоторых евреев из-за того, что он считал правильным, чтобы быть верным иудаизму. Как мы видели в последних двух главах, в эту разновидность иудаизма включена идея второго божественного лица, которое будет явлено на земле в человеческой виде в качестве Мессии (и в лице Иисуса). Споры вокруг Иисуса заключаются в том, что этот сын плотника из Назарета действительно был тот, кого евреи ожидали. Осознавая себя еврейским Мессией, Сыном Человеческим, Иисус конечно не стал бы презрительно говорить о Торе, но, скорее всего, оставил бы в силе все Законы.

Как читают большинство комментаторов, в Марк 7 есть распутие между иудаизмом и христианством. Это потому, что, по традиционному толкованию практически всех современных ученых, в этой главе Иисус говорит о том, что главные законы Торы, законы кашрута, больше не действительны, поэтому это представляется большим разрывом с верованиями и практиками практически всех евреев, фарисейской или нет. Представители самых ответственных, важных научных библейских комментариев издаваемых в США, начиная от серии для Евангельских учебных заведений, до серий для широкой аудитории, или серия «Hermeneia», взятые вместе — все согласны в этом в своих комментариях на Марк 7, даже не соглашаясь во многом другом.

Скажем Адела Коллинз, в своем комментарии «Hermeneia»[58], пишет о 19 стихе ("и, таким образом, он очистил всякую пищу"), комментарий в. 19с [третий пункт ст. 19] «принимает гигантский шаг далее и подразумевает, по крайней мере, что соблюдение законов питания для последователей Иисуса не является обязательным». В "Евангельском научный комментарий" Роберт А. Гулич тоже пишет[59]: "Иисус говорит в 7:15 объяснил со ссылкой на то, что он ест в 7:18-19 означает, что нет продуктов, даже тех, что запретил Левитский закон (Лев 11-15), может осквернить человека перед Богом. В сущности, Иисус делает все продукты чистыми". Это мнение является общепринятым толкование в обоих как благочестивых, так и ученых традициях.[60]

Но сделал ли Иисус эту кощунственную вещь, и действительно ли этот отрывок расставание между иудаизмом и христианством? Читая текст, в рамках поздних христианских представлений и верований о Торе и ее отмене, переводчики и ученые нашли точку деления, для их версии христианства именно в этой главе. Напротив, помещая Марка в его исторический и культурный контекст, мы находим совсем другой смысл текста, который раскрывает внутреннюю еврейскую полемику, а не отмену Торы и отрицание иудаизма.

1 Пришли к Иисусу фарисеи и несколько учителей Закона из Иерусалима. 2 Они увидели, что кое-кто из учеников ел нечистыми руками, то есть не омыв их. 3 Ведь фарисеи, как и все иудеи, держась предания отцов, не садятся есть, пока не омоют руки до локтей. 4 И, придя с рынка, не едят, пока не совершат омовения. И много еще других предписаний соблюдают — тех, что относятся, например, к омовению чаш, кувшинов и медной посуды. 5 Фарисеи и учителя Закона спросили Иисуса: «Почему Твои ученики живут не по преданию отцов? Хлеб едят нечистыми руками...» 6 А Он им ответил: «Хорошо сказал о вас, лицемерах, пророк Исая в Писании: „Этот народ чтит Меня устами, а сердце его далеко от Меня. 7 Тщетно их поклонение: они учат человеческим заповедям, как Моим“». 8 «Вы держитесь за людские предания, а заповедь Бога отбрасываете. 9 Как ловко вы отменяете заповедь Бога, лишь бы соблюсти свои предписания! — продолжал Иисус. — 10 Вот, например, Моисей сказал: „Чти отца и мать“ и „Всякий, кто оскорбит отца или мать, должен быть предан смерти“. 11 А что говорите вы? Если скажет человек отцу или матери: „Корбан (то есть посвящается Богу)* — то, что ты мог бы получить от меня“, 12 то вы уже ничего не разрешаете ему сделать для отца или матери. 13 Своим преданием вы отменяете Слово Бога. И еще много чего делаете в том же роде». 14 Он снова подозвал народ и сказал им: «Слушайте Меня все и постарайтесь понять! 15 Ничто из того, что извне попадает в человека, не может сделать его нечистым, а делает его нечистым то, что из человека исходит».* 17 Когда Он ушел от толпы в дом, ученики попросили Его разъяснить им эти слова. 18 «Так и вы такие же бестолковые? — ответил Он. — Не понимаете, что все то, что входит извне в человека, не может сделать его нечистым, 19 потому что идет не в сердце, а в желудок, а оттуда выбрасывается в отхожее место?» (Этим Он объявил чистой любую пищу.) — 20 «А нечистым, — продолжал Он, — человека делает то, что исходит из него. 21 Изнутри, из человеческого сердца, исходят злые помыслы, ведущие к разврату, кражам, убийствам, 22 супружеским изменам; оттуда исходят жадность, подлость, коварство, наглость, зависть, сквернословие, гордость, глупость. 23 Все это зло исходит из человека, оно и делает его нечистым».*

Тут такая давняя история комментариев этого отрывка, что можно было бы написать целые книги. Демонов, которые окружали "истории и традиции" в этом отрывке Легион; некоторые ученые считали, что некоторые стихи оригинальные, а другие более поздние дополнения, в то время как другие утверждают прямо противоположное, какие стихи были оригинальными, а какие были добавлены. Я собираюсь изгнать демонов, и попытаться читать текст, как он есть. Моя цель — приблизиться к ощущению того, что каноническое Евангелие от Марка, возможно, имело в виду в своем первоначальном культурном и религиозном контексте,

контексте, который должен быть тщательно изучен и четко сформулирован, чтобы сделать правильное толкование.

Первое, что необходимо отметить, в то время как читатели Марк явно ожидали, что автор далёк от традиционных еврейских практик и плохо знает арамейский и еврейский язык — это не так! Автор Марк сведущ в этих вопросах! Он демонстрирует, по сути, тонкое и четкое понимание еврейской традиции и еврейского языка, как и его Иисус. Это различие было упущено многими! В отличие от практически всех христианских комментаторов, я предполагаю, что Иисус изображается в приведенном выше текст от Марка—в том числе "и таким образом он очищается все продукты" — **не как разрешающий употребление в пищу все продукты питания**, даже если мы принимаем каждое слово этого фрагмента, так как она находится перед нами в тексте!

Для того, чтобы сделать это предположение точным, очень важно, что мы делаем различия между различными законами Торы и особенно всё что связано с диетическими законами, так как тут было много путаницы. Еда называется кошерная, в соответствии с тем допустимо или недопустимо есть её евреям, как это определено в Библии и более поздней раввинистической литературе. Среди продуктов, которые запрещены — не жвачные животные, такие как свиньи и кролики, хищные птицы, и морские существа, которые не имеют плавников или чешуи. Мясо, чтобы быть кошерным, также должна быть зарезано особым образом, что считается безболезненно для животного, и молоко и мясные продукты должны быть отделены друг от друга. Эти законы соблюдают набожные евреи даже сегодня. Хотя, иногда, к сожалению, животные не кошерные называются "нечистыми" животными, хотя эти законы кашрута не имеют никакого отношения к чистоте и нечистоте тела или другим элементам. Есть отдельный набор правил, которые определяют, когда любая еда-кошерная или нет-является чистой или нечистой, смотря по тому, как еда обрабатывается и какие другие вещи вступают в контакт с ней. Действительно, есть кошерные продукты, которые в некоторых случаях запрещалось употреблять в пищу, несмотря на то, что они сами по себе изготовлены исключительно из кошерных ингредиентов, приготовлены в кошерной кастрюле, и не смешивают молоко с мясом. Такие продукты становятся нечистыми, как назло, например, при прикосновение человека с флюсом, или с его телом. Конечно всем евреям запрещено всегда есть свинину, омара, молоко и мясо вместе, и мясо, которое неправильно резали. В некоторых случаях запрещается употреблять кошерную пищу, которая стала загрязненной ритуальной нечистотой. В то время как в английском языке это иногда путают, система законов чистоты и нечистоты и систему законов о питании — это две разных системы правил Торы для еды, и Марк и Иисус прекрасно знали разницу. Одним из самых больших препятствий к этому пониманию было использовании английского слова "чистый" и "нечистый" как для обозначения законов разрешения и запрещения еды и законов для нечистоты и чистоты. Это полностью разные наборы слов на иврите, *muttar* и *tahor*. Лучше перевести первый набор на "разрешено" и "запрещено" и использовать "чистый" и "нечистый", или "чистые" и "нечистые," только для последнего набора

С одной стороны, Тора перечисляет различные виды птиц, рыб и других морских и наземных животных, которые никогда не могут быть съедены. Тора также

запрещает употребление в пищу седалищный нерв, употребление некоторых видов жиров кошерных животных, употребление крови, и приготовления мяса козленка в молоке его матери. Это также значит, что не надо готовить мясо и молоко вместе. Вместе эти правила составляют то, что называется «еврейские диетические законы» или «кошерные правила». Как я уже говорил, они принимаются всеми евреями всегда и везде.

Чистота и нечистота, или загрязнение, совершенно отдельная система правил и норм, которые применить в другой сфере жизни, а именно: правила имеющиеся при касании различных предметов, таких как — мертвые люди или люди, которые коснулись мертвых людей и не помылись должным образом, а также по другим причинами таких как кожные заболевания или флюсы, или функции организма, в том числе менструальная кровь и сперма (но не экскременты), которые делают человека "нечистым" согласно Торе. Важно, что здесь нет никакого морального осуждения. Человек может стать нечистым без любых действий вообще. В самом деле, большинство израильтян были нечистые большую часть времени (а мы сегодня все все время), поскольку это требует поездки в храм, чтобы очиститься от некоторых видов вездесущих загрязнений. Прикосновение к таким "нечистых" людям делает совершенно кошерные продукты, запрещенными к съедению священниками или евреями, которые входят в храм. Во времен второго храма, есть много свидетельств, что многие евреи стремились избежать нечистоты и очищали себя так быстро, как они могли по правилам Торы, даже если они не собирались идти в храм. Фарисеи расширили эти правила, даже законодательно, что кошерная пища, которая была в контакте с нечистотой оказывает тоже нечистой.

Согласно библейской системе (к которой, по-видимому, Галилейская практика вполне могла бы соответствовать), два набора правил выполнялись строго отдельно друг от друга. Еврей не ел некошерную пищу, но правила вокруг оскверненной кошерной пищи зависели от различных обстоятельств жизни едока и, конечно же, не делали тело едока нечистым. Фарисейская традиция, судя по всему, расширила этот запрет против употребления нечистой кошерной пищи, а также то, что едок сам становился нечист через эту еду. Фарисеи стремились убедить других евреев в новых стандартах строгости (это, по-видимому, смысл фразы идущих по суше и морю, чтобы попытаться «обратить» других евреев, а не язычников).[61] Они поэтому установил практику ритуальной очистки рук — лить воду на руки, прежде чем есть хлеб, что бы руки не сделают хлеб нечистым.

Таким образом, для того, чтобы понять, о чём говорит Иисус в Евангелии, мы должны иметь более ясное понимание его терминология в контексте его культурного мира.[62] В Евангелии говорится, что фарисеи пришли из Иерусалима, видимо, обращать в свою веру понимания Торы и ее правил, в том числе в эти расширения чистоты, таких как мытье руках. Иисус протестует, утверждая, что продукты, которые идут в тело не делает тело нечистым. Поэтому выглядит реальным эпизод в Евангелии, где описывается Иисус, который отвергает фарисейские расширения законов чистоты за пределами библейских основ. Иисус не отказывается от законов и практик в Торе, но настаивает на их соблюдении.

В отличие от прежних взглядов, теперь понятно, что Марк очень хорошо знал то о чем говорил, когда он обсуждал фарисейских ритуальной практики и правил

чистоты. Ярчайшим примером этого является слово в Греческом тексте, который обычно скрыт в английском переводе Марк 7:3: ибо фарисеи и все иудеи не едят, если они не моют руки с кулака, согласно преданию Старцев". Учёные только недавно приняла перевода "с кулака" после столетий исправление текста против доминирующей текстовой традиции.[63] использование "с кулака," для борьбы или поражения, засвидетельствовано в древних перевод Библии — Септуагинте, не раз (Исход 21:8; Исаия 58:4). Как любой, кто видела евреев, выполняющий ритуал мытья рук, может подумать, что Марк имеет в виду процесс сжатия свободной рукой в кулак что бы лить воду на кулак другой. Я бы предложил, более того, что это описание "с кулака" вполне могло быть описание практики, но и иносказательно, почти каламбурно ссылкой на неуживчивость этих фарисеев.[64] Но, несмотря на этот последний момент, когда Евангелие понимаемая таким образом, этот фрагмент даёт невероятно ценное свидетельство, великой древности еврейской практики. Если Марк был такой точный наблюдатель, и проявляет такую интимное знание фарисейских практики, то мое предположение состоит в том, что он знал, о чем он говорил. Это точно говорит о том, что точка зрения Марка (а также, и его Иисуса) прочно укоренена в еврейском мире—почти противоположное тому, что обычно говорят о Марке.

Яир Фюрстенберг, молодой ученый гебраист из Ерейского Университета, недавно представил убедительного объяснения того, что же составило спор между Иисусом и Фарисеями. Фюрстенберг пишет, что заявление Иисуса нужно читать буквально, это означает, что тело становится нечистом не через употребление нечистой пищи, а только через различные вещи, которые выходят из организма. Как уже отмечалось, согласно Торе, это не то, что входит в тело и что делает человека нечистым, но только вещи, которые вышли из тела: кровь, сперма. Единственное питание, согласно Торе, что делает тело нечистым это падаль. Талмуд, раввины (или легендарные фарисеи), которые вводили новшество омовения рук перед едой, предполагали, что прием нечистых продуктов питания делает человека нечистым. Таким образом против этих фарисейских инновации выступал Иисус, а не против кошерных правил вообще.[65]

Это дискуссия между евреями о том, как правильно соблюдать Тору, не нападение на Тору. Фюрстенберг блестяще доказывал, что в своем первоначальном смысле, нападение Иисуса на фарисеев здесь буквально: они изменили правила Торы! Это ясно в ключевых раввинских текстах, которые, хотя и гораздо позже чем Евангелие, приписывает изменение галахи ко времени Марка:

Эти категории охватывает жреческий комплекс — что непригодно [для едения священниками]: ядущий нечистую пищу;... и тот, кто пьет, нечистые жидкости;... и нечистыми руками. (Zabim 5:12)

Если кто ни будь съест или выпьет нечистую пищу, то его прикосновение к священнику делает священника нечистым и непригодным для служения.[66] Это инновационное решение, причем явно из списка таких же, как и у Марка. Теперь эти решения явно отмечены в талмудической традиции как раввинского происхождения, а не как постановлений Торы. То есть скажем, классические раввины сами поддерживали различие между тем, что было написано в Торе и то, что было добавлено ими или их фарисейскими предками. Здесь мы имеем

фарисейские расширения Торы, тем самым подтверждая, что сказал Иисус. В Торе, только то, что выходит из тела (потоки различных типов) могут загрязнять, а не продукты сделать нечистым. Таким образом, если фарисеи утверждают, что сама пища загрязняет, то это нововведение в Законе.

Нападение на мытье рук в сюжете, кроме того, соответствует с последующего нападения Иисуса на обет, что освобождает от поддержки родителей и близких:

«11 А что говорите вы? Если скажет человек отцу или матери: „Корбан (то есть посвящается Богу) — то, что ты мог бы получить от меня”, 12 то вы уже ничего не разрешаете ему сделать для отца или матери. 13 Своим преданием вы отменяете Слово Бога. И еще много чего делаете в том же роде».

Здесь Иисус упрекает фарисеев, отстаивая буквальный смысл Торы, которая требует, чтобы евреи поддерживали своих престарелых родителей. Они, якобы делали это святотатство, утверждая, что тот, кто берет обет не позволяет помогать его родителям, как будто это жертва, посвященная Богу, есть фактически запрет на предоставления такой поддержки. Это представляет собой еще один случай, в котором фарисеи, видимо, вытеснили Тору их "преданием Старцев". Еще раз Иисус у Марка совершенно правильно, с точки зрения Торы, упрекает устную традицию на примере фарисеев и других новаторов. Для Иисуса (у Марка) "традиция старейшин" — это творение человека, в отличие от письменной Торы, который является божественной. Так что верно то, что Иисус говорит про них, словами Исаяи

«6 Этот народ чтит Меня устами, а сердце его далеко от Меня. 7 Тщетно их поклонение: они учат человеческим заповедям, как Моим».

С точки зрения Иисуса, эта "традиция старцев" — что впоследствии стали назвать устной Торой, — это именно "человеческие заповеди" преподносимые как законы. Ибо фарисеи и позже раввины, видели в "предание старцев" — божественное слово, а не человеческие заповеди (хотя они передавались устно, а не в Писании).[67] Кроме того, у нас есть случаи, когда фарисейские инновации оспаривались даже другими фарисеями. Неудивительно, что Иисус здесь протестует. Я надеюсь, что показал в этом разделе, что когда Марк написал слова "очистить все продукты," есть мало оснований считать, что это означало, что "таким образом он разрешал есть все продукты", а скорее, "таким образом, он очистил всякую пищу", подразумевая, что он отверг очень строгие законы осквернения еды у фарисеев, что, конечно, не имеет никакого отношения к кошерным правилам. Иисус, конечно, не разрешил здесь есть сало и яйца, скорее, именно так, как в тексте сказано, он разрешил есть хлеб без ритуального омовения рук, а это совсем другое дело. Крайне маловероятно, что в своем изначальном контексте этот текст Марка кем то читался, как означающий, что Иисус нарушил правила, запрещенных и разрешенных к еде животных.

То, что делает не простым для понимания, этот спор между евреями первого века — это то, что Иисус использовал противоречия, чтобы сделать более яркими и нелепыми претензии фарисеев. Фарисеи были лицемеры (я полагаю, что некоторые из них были и некоторые не были), безусловно, что заниматься внешним благочестием, при игнорировании (или хуже) этические и духовные требования Торы — это ужасное дело!. Мы должны помнить, тем не менее, что "в целом", в древних еврейских и христианских текстах «лицемер» — это человек, чьё

толкование закона отличается от общего. В проповеди Иисуса действительно есть эта радикальная еврейская традиция, которая началась с великих пророков и продолжалась в течение тысячелетий.

Позвольте мне повторить несколько стихов из текста

«14 Он снова подозвал народ и сказал им: «Слушайте Меня все и постарайтесь понять! 15 Ничто из того, что извне попадает в человека, не может сделать его нечистым, а делает его нечистым то, что из человека исходит». 17 Когда Он ушел от толпы в дом, ученики попросили Его разъяснить им эти слова. 18 «Так и вы такие же бестолковые? — ответил Он. — Не понимаете, что все то, что входит извне в человека, не может сделать его нечистым, 19 потому что идет не в сердце, а в желудок, а оттуда выбрасывается в отхожее место?» (Этим Он объявил чистой любую пищу.) 20 «А нечистым, — продолжал Он, — человека делает то, что исходит из него. 21 Изнутри, из человеческого сердца, исходят злые помыслы, ведущие к разврату, кражам, убийствам, "супружеским изменам; оттуда исходят жадность, подлость, коварство, наглость, зависть, сквернословие, гордость, глупость. 23 Все это зло исходит из человека, оно и делает его нечистым».

Внимательные читатели заметили, что стих 16 отсутствует в моем переводе текста, так как и во многих стандартные версиях. Это, как правило, является более поздним дополнением к тексту, но на самом деле это оригинальный кусок и ключ к пониманию. Оно гласит: "Имеющие уши, да услышат" таким образом даётся понять, что Иисус сделал заявлением о законе чистоты при помощи притчи и что сам закон имеет более глубокий смысл. Но ученики не смогли понять, что означают слова Иисуса. И они попросили его объяснить. «Чему, учитель, ты хотел научить нас в этой притче?». И Иисус ответил им: "Почему Тора говорит, что нечистое это то, что выходит, а не то входит, совсем не так как учат нас некоторые?" Конечно, это не имеет абсолютно ничего общего с отмененной законов кашрута! Объяснение, которое Иисус даёт это выяснение глубинного смысла норм Торы, а не отмена их. И это глубокое толкование Закона, которое представляет Иисуса большой вклад — а не предполагаемый отказ от Закона. Не наставление, отказаться от Торы, но заявление, что чтобы углубить нашу искреннюю приверженность и практиковать это и понимая его смысл. Когда Иисус объясняет притчу для непонимающих учеников, он показывает, что буквальная сила слова галахи сама по себе ведёт к выявлению духовного и нравственного значения.[68] Действительно, не то, что входит в человека делают его нечистый, но нечистые намерения сердца, как говорит галахический текст — нечистым делает то, что выходит из человека. Как я упоминал выше, все практики, на которые Иисус обращает внимание фарисейские — мытье рук, мытье сосудов — и тесно связаны с конкретной традицией фарисеев по поводу действия нечистых продуктов на чистоту тела. Те фарисеи, которые считали, что нечистота (буквальная, галахическая нечистота) приходит извне отрицают полностью духовные правила Торы о том, что нечистота идет изнутри. Другими словами, протест Иисуса против них является жизненно важной деталью толкование галахи, которые, по его мнению фарисеев полностью исказили, отказавшись от Торы. Здесь, также как в другом примере (поддержка родителей) Иисус утверждает, что когда фарисеи неправильно понимают закон и изменить его они, что показательно, они не слышат закона. Они только читают извне и

игнорировать внутренний смысл Закона. Таким образом, вопрос галахический — это идеальная маленькая притча. Когда Иисус говорит о чистой или нечистой пищи, он не говоря о кошерной системе вовсе, но о фарисейской практике понимания чистоты. Ни Иисус, ни евангелист не предполагали или не подразумевали, что движение Иисуса есть какая то новая религия.

Иисус как мыслитель и учитель, и как все мыслители и учителя, был неотъемлемой частью определенного исторического и культурного контекста, в котором он делал свою творческую религиозную работу. Контекст его выступлений был палестинский иудаизм Северной Палестины (Галилеи) в первом веке и ее религиозные практики, идеи, и противоречия, включая противоречия с еврейскими учителями из других мест, таких как Иерусалим. Если читать Евангелие от Марка в его полном контексте, то там говорится о том, что Иисус говорит с позиции традиционного галилейского еврея, чьи общины и традиционные практики подвергались критике извне, из Иерусалима.

Иисус обвиняет фарисеев в введении практик, не описанных в Торе, или даже противоречащих тому, что написано в Торе, и борется с их так называемой традиции старейшин, которые они принимают, как столь же важные, как и сама Тора, или иногда, в глазах своих противников, таких как Иисус, даже заменяющую Тору.[69] Я утверждаю, кроме того, что ученики Иисуса из Галилеи следуют своей традиционной практики, что нечистые продукты не могут сделать нечистым тело и, как следствие, их отказ мыть руки перед едой. Таким образом, ни у Марка, не говоря уже о Матфее, нет того что Иисус призывает отказаться от Торы вообще. Галилеянам были антипатичны Иерусалимские фарисейские инноваций.[70]

Если расположить факты в их историческом контексте, то становится ясно, что Марк был евреем и его Иисус соблюдал кашрут. По крайней мере, в своем отношении к практике Торы, Евангелии от Марка ни в коей мере не являются даже шагом в сторону создания Христианства как новой религии или как отход от иудаизма.

Марка лучше читать как еврейский текст, даже в своих самых радикальные христологических моментах. Ничего, из того что Иисус у Марка предлагает или утверждает или принял было бы неуместно для еврейского Мессии, Сына Человеческого, и то, что впоследствии назовут христианством, было еврейским апокалиптическим и мессианским движением. В своей классической книге "Призрачный танец: происхождение религии" Уэстон Ля Барр говорит о христианстве: "Действительно, с точки зрения секулярного представления, христианство это переломный (кризисный) культ. Изначально, это было обычное военно-политическое восстание в традиционном еврейском формате светского Мессии, одного из которых Римский правитель Пилат прямо рассматривается как бунтаря Царя иудейского из Давидовой линия, который был за это казнён".[71]

Он следует за этим "твердо секулярным взглядом" о том, у евреев никогда не было мысли о "сверхъестественном Эллинистического Мессия", и что идея умирающего и воскресшего Иисуса могла прийти только через "Неолитического растительности дух, умираю Бога Ближнего Востока". Даже с чисто исторической точки зрения, на этот счет, приведенные здесь в качестве типичной для многих, может не купить, так как он полностью игнорирует Еврейскую историю божественного, "сверхъестественное" Избавителя, что мы изучаем в этой книге.

Ла—Барре, как ни странно, пишет про Даниила 7, как о "кризисном культе", но как тогда, полностью игнорировать или отрицать соединения этого древнего текста с любой более поздней разработкой в рамках иудаизма. В следующей, заключительной главе этой книги, я собираюсь показать, что даже страдания и смерть Мессии можно с уверенностью отнести к еврейскому контексту Марка и его Иисуса и, я предлагаю дальнейшее прочтение Даниила 7, и что в любом случае такие идея вряд ли были чужды еврейской фантазии.

4. Страдания Христа как мидраш на Даниила

Страдания Иисуса на кресте — центральный, определяющий образ христианства для большинства из нас. Христиане носят крест, и они сами себе крест. На протяжении веков художники изображали сцены страданий Мессии множество раз; в современности, даже еврейский художник Шагал представлял этот культовый христианский символ. Снова и снова, мы находим обычное заявление о том, что то, что резко разделяет большинство христиане и иудеев — это идея, что божественный Мессия может страдать и умереть; и действительно, многие считают, что эта вера, придуманная якобы, уже после событий, является наиболее наглядным признаком абсолютного разрыва между евреями и их новые соперниками, христианами. В классическом высказывании об абсолютной разнице еврейских и христианских представлений о Мессии, Мессианская идея Израиля, Иосиф Клаузнер, видный еврейский историк, специалист по эпохе второго храма, приводит аргументацию или, скорее, предлагает абсолютно доминирующим и сложившееся мнение по данному вопросу: что изначально разница между "христианами" и "евреями" была в том, что одни верили, что Мессия уже приходил, а другие считали, что всё еще впереди[72]

Но из-за того, что Мессия, который уже пришел, был распят как обычный повстанец после того как был наказан и унижен, и тем самым не был успешными в политическом смысле, не спас свой народ Израиля, из-за скромного политического статуса евреев в конце периода второго храма и после разрушения; и из-за страха, что римляне будут преследовать верующих в политического Мессию, по этим причинам там волей-неволей получили развитие такие идеи, которые после столетий споров, стали кристаллизоваться в христианство.

Согласно общему мнению, идея мессианских страданий, смерти и воскресения пришла только как оправдание факта смерти Иисуса. В исходном виде, это просто скандал для христианской мессианской мысли, что Иисус был избит и унижен как обычный мятежник, несмотря на то, что он был Мессией. Почему Бог допустил, что бы его избранник, Мессия, прошёл страшную боль и его даже распяли самой позорной смертью (по Цицерону 24 и Тациту 2Б), а не спас его от всех этих вещей? Ответить можно только тем, что это была воля Бога и воля самого Мессии, что он должен быть наказан, унижен, и распят. Но откуда пришла такая идея, что привело к страданиям и смерти человека без греха? Ответ на вопрос о страданиях и смерти Иисуса, по данным Клаузнер (и почти всех остальных), что страдания Мессии был заместительными и смерть была искупительная, иными словами, общее

христианское богословие креста. После унижения Мессии—Иисуса, страдания и смерть, согласно этой точке зрения, которая проводится у многих христианских мыслителей и ученых, богословие страдающего Иисуса Искупителя был обнаружено в стихах Исаии 53, которые был переосмыслены как относящееся не к преследованиям Народа Израиля, но и к страданиям Мессии

«10 Господь пожелал послать ему страданья и обрек его на муку. Если Ты сделаешь его жертвой за грех, то узрит он потомство свое, будет жить долго и волю Господа сумеет исполнить.

11 После бедствий он узрит свет и насытится. «Он, праведник, раб Мой, своей мудростью оправдает многих, на себя вину их примет.

12 Поэтому Я ему долю дам среди великих, и вместе с сильными будет он делить добычу. Ведь он на смерть себя отдал, к преступникам был причислен — он принял на себя грехи многих людей, за преступников он был ходатаем».

Если эти стихи действительно относятся к Мессии, то они четко предсказывали Его страдания и смерть, чтобы искупить грехи людей, но евреи, якобы, всегда интерпретировали эти стихи как относящийся к страданиям Израиля а не Мессии, который должен был только Триумфатором. Подводя итог — есть общепринятое мнение: богословие страданий Мессии был придумано постфактум, как апологетический ответ, что бы объяснить страдания и унижения Иисуса, поскольку он был опознан христианами как Мессия. Христианство, с этой точки зрения, возникло из факта распятия, которое положило начало новой религии. Более того, многие, кто придерживается этой точки зрения, соглашаются, что Исайя 53 была искажён христианами из его якобы первоначального смысла, в котором говорится о страданиях народ Израиля, чтобы объяснить шокирует факт, что Мессия был распят.

Это общепринятое представление должно быть полностью отвергнуто. Понятие униженного и страдающего Мессии не чужеродное в рамках иудаизма, во времена до приходом Иисуса, и оно осталась таким среди евреев и в будущем.[73] Интересно, что эта традиция была хорошо задокументирована современными Мессианскими евреями, которые заботятся о том, чтобы продемонстрировать, что их вера в Иисуса не делает их не евреями. Независимо от того принимать или нет их теологию, остаётся фактом, что такая точка зрения обладают сильной текстовой основой для мнения, что традиция страдающего Мессии имеется в еврейских текстах раннего и позднего происхождения. Евреям, кажется, было не трудно, независимо от их понимания Мессии, представить что Он должен был бы пострадать, чтобы искупить мир. В том что Мессия будет страдать и унижаться евреи узнали из внимательного чтения библейских текстов, внимательное прочтение именно в стиле классических раввинских толкований, которое стало известно всем как мидраш, созвучие стихов и отрывков из разных мест в Священном Писании для получения новых нарративов, образов и духовных идей.

На протяжении этой книги мы наблюдаем, как идеи, которые считались наиболее характерными нововведениями Иисуса или его последователей могут быть найдены в религиозных текстах евреев того времени или раньше. Вместо того, чтобы видеть христианство как новое изобретение, можно видеть в нем один из путей, который принял иудаизм—это путь, древний в своих истоках, такой же как раввинтический иудаизм. Многие евреи ожидали божественного человека Мессию,

Сына Человеческого. Многие приняли Иисуса как Мессию, в то время как другие нет. Очевидно, некоторые среди евреев, в дохристианский период, думали о страдающем Мессии, поэтому есть хорошие основания рассмотреть эти парадоксальные для "еврейства" идеи. Позвольте мне ещё раз пояснить, что я не утверждаю, что Иисус и его последователи не внесли свой вклад и у них не было ничего нового в истории страданий и смерти Мессии; Я, конечно, не отрицаю их собственного религиозного творчества. Я заявляю, что даже такое нововведение, если действительно они их изобрели, был полностью в духе и герменевтических методах древнего иудаизма, и не скандального отхода от него.

Для "еврейства" искупительные страдания Мессии может быть установлена двумя способами: сначала показывая, как Евангелий использовать вполне традиционные, для мидраша способы рассуждений, чтобы развить эти идеи и применить их к Иисусу, и во-вторых, демонстрируя, как общие идеи страдающего и умирающего Мессии были среди вполне "правоверных" раввинских евреев со времен Талмуд и далее. Мои аргументация состоит в том, что если бы это была такая шокирующая идея то, почему раввины Талмуда и мидраша обратили внимание на это, только пару веков спустя? Почему не было трудностей с изображением страдающего Мессии и связи с текстом Исайи 53?[74] Но я забегаю вперед: во-первых, давайте посмотрим, насколько близко библейские чтения в стиле мидраша может лучше объяснить осуждение и смерть Иисуса.

Постыдиться Сына Человеческого: Марк 8:38

Первый раз у Марка Иисус раскрывает неизбежность его страдания и смерти в главе 8. Как мы видели, иногда загадочные и шокирующие заявления Иисуса о его власти могут быть получены из текстов Даниила о Сыне Человеческом. Эти евреи корпели над Писанием и толковать каждую деталь для того, чтобы понять, как Мессия будет выглядеть и чего ожидать, когда он придёт. Здесь мы имеем еще один пример, который освещает наш вопрос о страданиях Мессии:

«27 Иисус пошел с учениками в селения близ Кесарии Филипповой. По дороге Он спросил учеников: «Кем считают Меня люди?»

28 «Одни говорят, что Ты — Иоанн Креститель, другие — что Илья, а некоторые — что один из пророков», — ответили они.

29 «А вы кем считаете Меня?» — спросил Он их. «Ты — Помазанник Божий», — ответил Петр.

30 Иисус строго наказал им никому о Нем не говорить.

31 И Он начал учить их, что Сыну человеческому надлежит претерпеть много страданий и что старейшины, старшие священники и учителя Закона отвергнут Его, и что Его убьют, но через три дня Он воскреснет.

32 Он говорил об этом открыто.

33 Тогда Петр отвел Его в сторону и стал Ему перечить. Но Он, обернувшись и глядя на учеников, оборвал Петра: «Прочь с глаз, Сатана! Ты думаешь не о Божьем — о человеческом!»

34 Подозвав к себе народ и учеников, Иисус сказал: «Кто хочет следовать за Мной, пусть забудет о себе, возьмет свой крест — и тогда следует за Мной.

35 Кто хочет спасти свою жизнь, тот ее потеряет. А кто свою жизнь потеряет ради Меня и Радостной Вести, тот ее спасет.

36 Что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а жизни своей повредит?

37 Разве не все отдал бы он, лишь бы вернуть себе жизнь?!

38 А кто постыдится признать Меня и Мои слова перед этим безбожным и грешным поколением, того и Сын человеческий постыдится признать, когда придет облеченный в Славу Отца Своего с Божьими ангелами».

В этом отрывке, как и сразу после Мк 9:12, Иисус говорит нам, что Сын Человеческий должен "пострадать за многих". В стихах 29-31 это совершенно ясно, что Христос будет страдать и что Иисус считает, что он-Христос. Уравнивание Сына Человеческого и его страданий со Христом делается абсолютно понятны, в этих стихах. Все это имеет большой смысл если мы предположим, что Иисус намекает на Сына Человеческого, фигуру из Даниила и его судьбе, которая должна быть раздавлена в течение времени в два раза и ещё половина времени, прежде чем он восстанет как торжествующая.

Иисус имел очень четкое представление о своей мессианской роли и судьбе, и что эта роль и судьба были предсказаны для Сына Человеческого у Даниила 7. Иисус сперва идентифицировал себя как Мессию, а потом соотносил себя с Сыном Человеческим, таким образом, устанавливалась как личность Мессии так и его окончательная участь, что в Данииле 7 Сын Человеческий и есть Иисус.

В Марка 14:62, мы находим похожую, и даже более явную, самоидентификацию Иисуса как Мессию и как Сына Человеческого. Не будет преувеличением сказать, что эти два явных момента, в которых даётся ключ к прочтению всех упоминаний Сына Человеческого в Евангелии, как свидетельство о чувстве Иисуса своего божественного призвания и роли:

«61 Но Иисус молчал и не давал ответа. Первосвященник снова спросил Его: «Ты — Помазанник, Сын Благословенного?»

62 «Я, — ответил Иисус, — И вы увидите Сына человеческого сидящим по правую руку Всемогущего и идущим с облаками небесными»

Мы узнаем несколько ключевых моментов из этого отрывка.[75] Во-первых, как мы видели выше, заключается в том, что "Мессия" — это для Иисуса эквивалент "Сына Человеческого". Во-вторых, мы узнаем, что утверждение быть Сыном Человеческим первосвященник счёл кощунством и, следовательно, это означает претендовать не только на статус Мессии но и на божественность. Когда Иисус отвечает "Я есть", он утверждает, не просто статус Мессии, "я есть" — точно отвечает тому, как Яхве называет себя, когда Моисей спрашивает Его имя: "это то, что вы сказать сынам Израилевым: "я есть" послал меня к вам " (Исход 3:14). Первосвященник иудеев едва ли могли пропустит такой намек. Иисус утверждает, что он Сын Божий, Сын Человеческий, и даже сам Бог. Такое заявление является не столько истинным или ложным: это правда или хула!

Это же кощунство, в которых Иисус был обвинен в главе 2, когда он предположил, что Божественная прерогатива прощать грехи. В-третьих, мы узнаем, что для Иисус Евангелий, титул "Сын Человеческий" происходит от Даниила 7, это

имя для божественного Искупителя высокой христологии, и, таким образом, является кощунством о котором говорит первосвященник.

Развитие евангельского повествования идет следующим образом:

- Иисус спрашивает учеников, кем они его считают.
- Петр отвечает, что он — Мессия.
- Иисус отвечает, что Сын Человеческий должен пострадать за многих.
- Петр отрицает это (ему стыдно за страдания Мессии).
- Иисус упрекает его.
- Иисус призывает учеников, чтобы дать им урок, который следует извлечь из его резкой отповеди Петру.
- Все, кто будут следовать за Иисусом должны выбрать крест и быть готовы потерять свою жизнь, как он.
- Но если кто то постыдится Иисуса в его унижении и распятии, великий Сын постыдится за них в последний момент, когда он придет во славе с его ангелами (Даниил 7).

Именно под титулом Сын Человеческий, Иисус предрекал свои страдания. В конце 7-ой главы Даниила, символ «Сын Человеческий» интерпретируется как "народ святых Всевышнего", которые будет «раздавлен» на некоторое время под каблуком четвертого зверя, а потом восстанет и, победит зверя, "получите королевства и удерживайте царства во веки веков". Конечно, вряд ли можно сомневаться, что выражение "Сыну Человеческому должно много пострадать, и быть отверженным" — это ссылка на Исаия 53:3, в котором нам говорят, что страдающий раб Господа "был презрен и умален пред людьми". Это, как мы видели, очень правдоподобное чтение. Мы должны, конечно, помнить о других библейских текстах в бэкграунде, в том числе и особенно псалмы плача. Поэтому нам не нужно постулировать особый христианский настрой чтения, который привел к этой идее. Основным видом ранних еврейских толкований был мидраш, который является конкатенацией, связанных с (или даже, казалось бы, несвязанные) отрывков и стихов из всей Библии, чтобы получать новые уроки и рассказы. Это мидраш, мы тоже здесь разберём.

Ассоциация этих пророческих текстов с Сыном Человеческим Даниила является именно тем, что позволило всесторонне развить христологию страдания, и смерти (и вознесение) Иисуса. Другими словами, логично предположить, что евреи придерживались этой точки зрения на искупительное страдание Мессии и его искупительной смерти, как предсказанной пророком Исайей до Иисуса. А не как многие предположили, что христиане сделали это после распятия. В очередной раз, мы находим Иисуса как того, кто видит себя и представляет себя и полностью выполняет мессианские ожидания о том, что "сыну человеческому много должно пострадать за всех".

Евреи ожидали Спасителя во времена Иисуса. Собственные страдания, под Римским господством, казались такими большими, что считалось и Искупитель будет предназначен для них. Читая внимательно книгу Даниила, по крайней мере некоторые евреи те, что в первые века читали Притчи Еноха и те кто был с Иисусом, пришли к выводу, что Искупитель будет божественной фигурой и будет называться Сыном Человеческим, который придет на землю как человек, что бы спасти евреев

от угнетения и править миром, как его государь. Иисус, многим казался, соответствовал этой программе. Его жизнь и смерть были поняты, как именно исполнение того, что было предсказано о Мессии, Сыне Человеческом, старыми книгами и традицией. Но случилось, что ожидаемое избавления было отложено и большое количество язычников присоединились к этому сообществу, но это уже история Церкви, христианства. Это не страдания и смерть Мессии породили эти истории и ожидания вообще, как мы видим, когда мы читаем Евангелие в его тесной связи с Даниилом.

Связь с Даниилом может быть даже яснее, когда мы читаем параллельные версии учения Иисуса к ученикам в 9:31:

Выйдя оттуда, проходили через Галилею; и Он не хотел, чтобы кто узнал.

Ибо учил Своих учеников и говорил им, что Сын Человеческий предан будет в руки человеческие и убьют Его, и, по убиении, в третий день воскреснет.

Но они не разумели сих слов, а спросить Его боялись.

Что эта вражда будет подниматься против Мессии также можно очевидно быть получена из чтения мидраша в конце Даниила 7:

и против Всевышнего будет произносить слова и угнетать святых Всевышнего; даже возмечтает отменить у них праздничные времена и закон, и они преданы будут в руку его до времени и времен и полувремени.

Затем воссядут судьи и отнимут у него власть губить и истреблять до конца.

Царство же и власть и величие царственное во всей поднебесной дано будет народу святых Всевышнего, Которого царство — царство вечное, и все властители будут служить и повиноваться Ему.

Те евреи, которые читают про Сына Человеческого в соответствии с концом главы, представляющий народ Израиля, пришлось сделать некоторые согласующие усилия, чтобы объяснить явно божественное последствие видения в первой части, но евреи, в свою очередь, кто гордится божественностью Сына Человеческого имели некоторые трудности работы согласования, что бы объяснить конец главы в соответствии с их чтением первой части, понимание "народа Всевышнего", как божественного Мессию. Это Христос, Иисус, кого передали злодеи, в соответствии с предписанным пророчеством, здесь говорят "один время, два времени, и половина времени". Это повествование о Мессии не было революционным отступлением в религиозной истории сообщества читателей Библии, но очевидный и правдоподобный следствие устоявшейся традиции читать Даниила 7 как о божественно-человеческой Мессии.[76] Воскресение Иисуса "после трех дней", — говорится в версии Марка, в отличие от "трех дней" более поздних евангелистов, возможно, вытекают также из внимательного чтение Даниила 7, ибо, если страдания Иисуса до возвышения идет от "времени, в два раза, и половина времени", во время которых, как бы Сын Человеческий страдать в Даниила 7, и если эти "разы" не понял как дней, тогда Иисус воскреснет через день еще два дня, и часть дня, то есть после третьего дня, но это должно оставаться домыслом.

Как написано о Нем (Мк 9:11-13)

История Иисуса и его постепенного самораскрытия своим ученикам снова и снова возвращается к Писанию—и мидрашам на это Писании. Марка 9:11-13 есть

рассказ о беседе Иисуса с учениками, после преображения на горе. Таким образом, он представляет собой кульминационный момент в истории Евангелия и особенно красноречивым для христологии. Этот пассаж озадачивал большинство комментаторов до сих пор, но мы увидим, что текст лучше всего понимается как неотъемлемая часть Еврейской традиции о страданиях Мессии. Вот стихи, которые необходимы и дают контекст — после преображения в котором Моисей, Илия и Иисус были явлены для близкого окружения в видении

11 Когда же сходили они с горы, Он не велел никому рассказывать о том, что видели, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых.

12 И они удержали это слово, спрашивая друг друга, что значит: воскреснуть из мертвых.

13 И спросили Его: как же книжники говорят, что Илии надлежит прийти прежде? Он сказал им в ответ: правда, Илия должен прийти прежде и устроить всё; и Сыну Человеческому, как написано о Нем, надлежит много пострадать и быть уничижену. Но говорю вам, что и Илия пришел, и поступили с ним, как хотели, как написано о нем.

Многие комментаторы писали что, этот отрывок вызывает большие трудности. Нет в священном Писании, что Илию будут унижать, издеваться, так на каком основании в Евангелие сказано, что "это было написано о нем"?[77] Кроме того, как отметила Джоэль Маркус, "если Илия восстанавливает все вещи, тогда как представить себе Мессию, который будет отвергнут человечеством, Мессия, чьи страдания и отказ предсказано в Писании (9:12с)? Два ожидания, как представляется, противоречат друг другу". Маркус дала блестящий ход — осознать, что это не недостаток Евангельского текста, а его расширение.[78] Это, конечно, противоречие в евангельском тексте, но это не "баг", как мы можем сказать, а расширение (feature). У нас есть нечто очень близкое к стандартной форме мидраша: на вопрос учеников не "как написано, что Илия придет первым?", но "почему книжники говорят это, если то, что они говорят правда: как это написано, что Сын Человеческий будет страдать за многих?" Они указывают на противоречие между стихами, где Иисус говорит и заявления книжников, а не между двумя стихами.[79]

Ученики понимают Иисуса ст. 9-11 очень хорошо. Они понимают, что Иисус является Сыном Человеческим, и они знают, что это значит. Они потрясены, что Иисус будет страдать, хотя, как Иисус указывает, это, действительно написано, что Сын Человеческий будет страдать. В конце концов, в конец главы в 9:30, они до сих пор не поняли предсказание Иисуса, что он будет передан в руки человеков, и что они убьют его, и что он воскреснет. Они также озадачены, что Иисус как Мессия пришел, но Ильи, казалось бы, ещё нет, а книжники говорят, что Илия должен прийти перед Мессией и восстановит все вещи. Ответ Иисуса—просто гениальный:

И спросили Его: как же книжники говорят, что Илии надлежит прийти прежде?

Он сказал им в ответ: правда, Илия должен прийти прежде и устроить всё; и Сыну Человеческому, как написано о Нем, надлежит много пострадать и быть уничижену.

Но говорю вам, что и Илия пришел, и поступили с ним, как хотели, как написано о нем.

Книжники говорят, что Илия придет, перед Сыном Человеческим, и восстановит все вещи и как тогда могло получиться, что Сын Человеческий пострадает? И Иисус отвечает: Так ли Пророки, в самом деле, сказали, что Илья восстановить все; если это было так, как, собственно, это может быть написано, что Сын Человеческий должен будет пострадать за многих? Нет, заявляет Иисус (правильно), это не говорится в писании, что Илья будет восстанавливать все вещи; это книжники, придумали эти идеи сами. И книжники просто ошибаются в их интерпретации пришествие Илии; все будет восстановлено, не Ильеё, но Сыном Человеческим и только после ужасных мучений в день Господень, который четко описан в тексте Малахии. Теперь ответ ясен: Илия уже пришел в форме Иоанна Крестителя (как явно в Евангелии от Матфея), и они сделали ему, что они захотели.[80]

Его страдание становится прототипом страданий Сына Человеческого, которые ему предстоит претерпеть, и ученики получают ответ на оба их вопроса. Иисус показан здесь, как и умелый в галахической дискуссии, что мы уже видели ранее, обойдя книжников и фарисеев в их собственной технике мидраша. Идея страдания Сына Человеческого есть нечто, не импортированное в иудаизм; но фактически очень характерное.

Именно здесь, пожалуй, больше как нигде в Евангелие от Марка, мы видим еврейский бэкграунд в интерпретации Библии — мидраш. Еще раз напомним читателям, мидраш — это способ умножить контекстуализации стиха с помощью других стихов и отрывков в Библии, для того, чтобы понять их смысл. Этот аргумент даёт поддержку нашему утверждению, что Евангелие, или, по крайней мере стиль этого Евангелие очень близок к мидрашу, в создании повествования, особенно для данного случая с Сыном Человеческим. Опять же, мы здесь видим свидетельство того, что мысль о страданиях Мессии не было совершенно чужда для еврейского чувства, которые черпали свои мессианской надежды и ожидания от таких методов близки чтение Священного Писания, как это делал Иисус. Это отождествление между Сыном Человеческим и судьба Иисуса приходит к своей кульминации в стихи из главы 14 (обсуждалось выше), в котором Иисус спрашивает о его мессианской идентичности первосвященниками перед распятием и сознается открыто (впервые), что он есть Сын Божий, Мессия, Сын Человеческий, который придет на небесных облаках.

"Страдающий раб" Исаии, как Мессия в Еврейской традиции

Идея страдающего Мессии, который искупает наши грехи, была знакомая многим на протяжении всей истории Еврейской религии, и еще долго после того, как она отделилась от христианства. Идея о страдающем Мессии присутствует в древнем, средневековом и раннем иудаизме. Этот факт, по крайней мере, ставит под сомнение азбучную истину, что образование и принятие этой идеи последователями Иисуса представляет абсолютную точку разрыва с религией Израиля. Страдающий Мессия является неотъемлемой частью еврейской традиция от античности до современности. Не только, Евангелие опирается на еврейскую традицию, но эти идеи оставались еврейскими долго после того, как христианство отделилось от иудаизма.

Одним из важных элементов доказательства этого, есть история о том, как еврейские комментаторы интерпретировали Исаии 53:

1 [Господи!] кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?

2 Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему.

3 Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвергали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его.

4 Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом.

5 Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего ашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились.

6 Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас.

7 Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих.

8 От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь.

9 Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его.

10 Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его.

11 На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет.

12 Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу, за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем.

Трудно преувеличить, насколько интерпретация этого отрывка закрепилась в традиционном взгляде иудаизма на Мессиянство. Предполагается, что евреи всегда давали тексту метафорическое значение, понимание эти страдания как страдания народа Израиля, и что были христиане, которые изменили и исказили этот смысл, чтобы сделать этот отрывок относящийся к Иисусу. Наоборот, теперь мы знаем, что многие еврейские авторитеты, может быть, даже большинство, почти до современного периода читали Исаия 53 как текст о Мессии; до последних нескольких веков.

Кроме одного очень важного, но совершенно уникального свидетельства Оригена против Цельса, нет никаких доказательств, что древние евреи читали Исаия 52-53, как относящееся к кому угодно, но не к Мессии.[81] С другой стороны, есть несколько свидетельств древних раввинов, что текст относится к Мессии и его испытаний.

Палестинский Талмуд, комментируя библейские текст "и восплачет земля сия" (Захария 12:12), амореи приводят два мнения: одно кто интерпретирует "Это траур

по Мессии" и тот, кто не согласен, утверждая, что это сетование по поводу желание (который был убит в мессианский век) [Сукка 5:2 55б].

Кроме того, есть традиция в Вавилонском Талмуде, и тем самым засвидетельствовано с четвертого по шестой века н. э. (но, весьма вероятно, раньше), самые известные и явные из которых Синедрион 98b. Отсылая к Мессии, Талмуд спрашивает, "Как его зовут?" и даёт различные имена, предлагаемые различными раввинами. После рассмотрения разных взглядов, мы находим: «и раввины говорят — прокаженный дома рабби имя его, ибо говорит: «Вот, он взял на себя наши болезни,[82] и понес наши боли, и мы думали, он был поражаем, били за Бога и пытали его» [ИС. 53:4].» Мы видим здесь заместительные страдания Мессии и использование Исаии 53 как ключевая идея. Этот мидраш (или очень похожую), который лежит в основе душераздирающего образа, на одной страница в Талмуде — Мессия сидит у ворот Рима среди бедных и тех, кто страдает от болезней и страдает их болезнями. Как мы видим, ни иудаизм, ни евреи никогда не имели единой точки зрения на этот богословский вопрос, и поэтому нет смысла в том, что утверждение, что образ многих страданий и отвержения и презрение Сына Человеческого представляет собой разрыв с иудаизмом или религией Израиля. Действительно, в Евангелиях эти идеи были взяты из Торы (Священного Писания в широком смысле) из самой еврейской экзегетики и мидрашей.[83] Нет какого то христианского (крест) или еврейской (триумфального) понятий Мессии, но только комплекс оспариваемых мессианских идей, общие как у Марка = Иисуса, так и у большинство сообществ евреев. Описание Христа как предсказавшего свои страдания и описание страстей Христовых, никоим образом не противоречит утверждение Мартина Хенгель, что "христианство выросло на еврейской почве".[84] Еврейские Евангелия был искренне и полностью документами еврейско-мессианского движения, и Евангелие есть история еврейского Христа.

ЭПИЛОГ. Еврейское Евангелие

Евреи не редко утверждают, что христианство присвоило себе еврейскую Библию и превратила её в свою книгу для не еврейских целей, тем самым исказив её смысл. Эта книга бросает вызов этим утверждениям двояко. С одной стороны, смысл моей аргументации заключается в том, что христианство не только «украло» Ветхий Завет, но также и Новый, отрывая его, от еврейского контекста и культурного происхождения, из среды еврейских общин Палестины первого столетия и делает покушение на традиции евреев, традиции, которые, как я утверждаю, он (Новый Завет) стремился отстаивать, а не разрушать, традиции, которые придают повествованию богатейшие литературный и герменевтический контекст. С другой стороны, эта книга бросает вызов понятию, что Новый Завет сам по себе присвоение старого. В интерпретации, предлагаемые здесь, Новый Завет уходит глубоко корнями в эпоху второго храма, куда глубже, чем многие себе представляли, даже—и это я подчеркиваю опять же—многие моменты, которые мы считаем наиболее характерные для христианства, отличительные от еврейских: понятие «двойного» Бога — Отца и Сына, понятие Искупителя, который сам будет и Богом, и человеком,

и понятие, что этот Искупитель будет страдать и умирать, как часть процесса спасительного действия. По крайней мере, некоторые из этих идей, Отец и Сын Бога и страдания Спасителя, имеют глубокие корни в еврейской Библии, а также, может быть, и среди некоторых из самых древних еврейских представлений о Боге и мире.

Многие, возможно даже большинство, исследователей Нового Завета сегодня утверждают, что самые яркие истории об Иисусе, рассказанные в Евангелиях, что он был Мессией, Сын Человеческий; что он умер и воскрес; и что ему следует поклоняться как Богу—все главные идеи, есть «пророчества после фактов» сделанные ранними последователями Иисуса, которые развил эти идеи в свете его смерти и их его воскресения. Историк во мне восстает против этого мнений. Принимая во внимание даже выдающиеся качества Иисуса — у меня нет никаких сомнений, что он был выдающийся человек — как историческое объяснение — мне кажется маловероятным. Может быть надо было, что бы Иисус был предельно необычен для такого захватывающего рассказа о его божественном бытии и делах, но это вряд ли было бы достаточно. Возможно, его последователи увидели его воскресшим, но, конечно, это должно быть потому, что у них было ожидание такого развития событий, а не события дали повод к повествованию.[Позвольте мне сказать это предельно ясно: я не отрицаю религиозный христианский взгляд на вопросы. Это, конечно, вопрос веры, а не науки. Я отрицал его, как историческое, научное критическое объяснение]

Альтернативное объяснение, какое я здесь дал, кажется, гораздо более вероятным и более исторически достоверным. Люди на протяжении веков говорили, думали и читали о новом царе, сыне Давида, который пришел бы, чтобы искупить их от Селевкидов, а затем от Римского гнета, и они думали, что это будет молодой царь, божественный, на основе размышления над книгой Даниила. Это очень древняя традиция. Поэтому они были подготовлены, чтобы увидеть в Иисусе из Назарета того, кого они ожидали — Мессию, Христа. Его жизнь, его полномочия, и даже его страдания и смерть перед торжеством — все это создано из близких к мидрашу чтении библейских материалов и воплощено в его жизни и смерти. Возвеличивание опыта воскресения его последователями являются продуктом повествования, а не причиной. Это не отрицает творчество со стороны Иисуса или его ранних и поздних последователей, но указывает, что такое творчество убедительно читается только в еврейском текстовом и интертекстуальном мире в эхо-камере еврейского звукового ландшафта первого века.